

Монтегю М.

**КОРОЛЬ БЕЗ ТРОНА
КАДЕТЫ ИМПЕРАТРИЦЫ**

ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

История в романах

Морис Монтегю

**Король без трона. Кадеты
императрицы (сборник)**

«Алгоритм»

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фр)

Монтегю М.

Король без трона. Кадеты императрицы (сборник) /
М. Монтегю — «Алгоритм», — (История в романах)

ISBN 978-5-486-03124-3

В очередной том данной серии включены два произведения французского романиста Мориса Монтегю, рассказывающие о временах военных походов императора Наполеона I. Роман «Король без трона» повествует о судьбе дофина Франции Луи-Шарля – сына казненного французского короля Людовика XVI и Марии-Антуанетты, известного под именем Людовика XVII. Роман «Кадеты императрицы» – история молодых офицеров-дворян, прошедших под знаменами Франции долгий и кровавый путь войны. Захватывающее переплетение подлинных исторических событий и подробное, живое описание известных исторических личностей, а также дворцового быта и обычаев того времени делают эти романы привлекательными и сегодня.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-486-03124-3

© Монтегю М.
© Алгоритм

Содержание

Король без трона	6
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Морис Монтегю
Король без трона. Кадеты императрицы
Сборник

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2009

© ООО «РИЦ Литература», 2009

* * *

Король без трона

I

Вечером накануне Аустерлицкого сражения, около девяти часов, император Наполеон вышел из своей палатки. Он с минуту наблюдал неясные огни неприятельских бивуаков, расположенных за глубоким ручьем, на обширной равнине, противоположной французскому лагерю, а потом отдал своим адъютантам приказ сесть на лошадей и сам медленно поднялся на седло.

Стояла безлунная ночь; холодный туман, сгустившийся к вечеру, делал сумрак еще гуще. В такой темноте ехать становилось затруднительно, но солдатам эскорта пришла в голову счастливая мысль зажечь длинные факелы, устроенные из сосновых ветвей, обернутых соломой. Неверный, красноватый свет озарил небольшой, продвигавшийся вперед отряд.

Солдаты всех полков издали узнавали императора. Вдоль всей линии бивуаков французской армии запылали тысячи импровизированных факелов из пучков соломы, и целые ряды огней раскинулись направо и налево на огромное пространство; забили бесчисленные барабаны, загрели звуки музыки, и тысяча голосов слились в единодушном крике:

– Да здравствует император!

С высоты холмов мрачный, немой и неподвижный неприятель мог видеть свет и движение французских войск, воодушевленных горячим энтузиазмом.

Завтра, второго декабря, был день годовщины коронации императора. Это совпадение казалось солдатам счастливым предзнаменованием и еще более усиливало доверие войск к своему непобедимому вождю.

Ночь прошла спокойно, но с зарею заговорили пушки. Наполеон, окруженный своими маршалами, в числе которых были Даву, Ланн, Сульт, Бернадотт, Мюрат, Бессьер, распределял назначения и роли каждого в предстоявшем сражении.

Полным галопом помчались военачальники к своим отрядам и двинули их вперед. Уже на рассвете французская армия, вся охваченная одним могучим порывом, начала осаду высоких холмов, где бесстрастно занимали свои позиции русские войска. Французы взбирались на крутые склоны с оружием в руках, а подойдя ближе, открыли огонь по первым линиям врага и снова бросились вперед, сокрушая все на своем пути. Музыка гремела военный марш, барабаны подхватили популярный мотив, энтузиазм все увеличивался...

– Начали хорошо!.. – сказал Наполеон, запуская пальцы в свою табакерку.

Гренадеры маршала Удино первые достигли цели; двадцать пять тысяч молодцов в мохнатых шапках овладели холмами, отесняя и сталкивая в равнину смятые отряды русских солдат, выбитых из позиции.

С левого крыла маршал Ланн теснил, давил неприятеля, отодвигая его к местности, занимаемой кавалерией Мюрата, которая колола и рубила его.

Центр армии под начальством Сульта и Бернадотта подвигался в свою очередь, побеждая по всему фронту, обращая в бегство русских и австрийцев, перехватываемых на пути отступления маршалом Даву.

В это время на темном и мрачном дотоле небе появилось аустерлицкое, ставшее с тех пор легендарным, солнце, как бы приветствовавшее победу французов и рассыпавшее золотые искры на сверкавшее в воздухе оружие.

Слишком вырвавшийся вперед отряд Сульта под предводительством принца Жозефа, брата Наполеона, неожиданно попал в очень опасное положение: его обступила со всех сторон

неприятельская кавалерия, тесня его отовсюду и рассеивая; гвардейцы и кирасиры великого князя Константина Павловича, брата императора Александра I (что тоже казалось странным совпадением), отняли у него знамя.

Наполеон немедленно направил на них мамлюков, стрелков и конных гренадеров своей гвардии под начальством Бессьера и генерала Раппа.

Столкновение было ожесточенным и кровопролитным. Опрокинутые и разбитые русские отряды отступили за деревню Аустерлиц с неисчислимыми потерями, оставляя после себя груды мертвых тел и раненых. В руках французов осталось множество пленных, и между ними князь Репнин, командовавший лейб-гвардии конным полком.

Этот избранный полк состоял из лучшей столичной молодежи и был особенно ненавистен французам, знавшим, какому необузданному хвастовству предавались обыкновенно эти высокопоставленные гвардейцы, издеваясь над неприятельской армией. Французы избивали их беспощадно, яростно пронизывая их длинными клинками своих сабель, с торжествующим возгласом: «Пусть поплачут петербургские дамы!»

Австро-русские колонны бежали по всей линии: ими овладела полная паника. Отряды перемешались, артиллерия с кавалерией, обоз с пехотой. Спасались, кто как умел. Одни бросались в болото; но там их избивала французская пехота. Другие в беспорядке теснились между двумя прудами, но там гнались за ними по пятам французские гусары. Наконец, неприятельская масса бросилась искать спасения на льду огромного озера, который был так толст, что казался вполне надежным. Пять или шесть тысяч человек были уже на середине озера Сатган, но тут Наполеон приказал артиллерии открыть огонь по льду, и последний сейчас же дал трещины по всем направлениям. Раздался зловещий треск, вода хлынула потоками... Послышался отчаянный вопль ужаса и смерти. Люди, лошади, пушки, телеги медленно, величественно погружались в воду вместе с глыбами льда, опускаясь в открывающуюся бездну. Кое-где уже плавали на поверхности воды трупы...

Наступила мертвая тишина. Все было кончено; сражение было окончательно выиграно.

На протяжении двух верст были разбросаны трупы трех побежденных наций; их подбирали целый день. Но и к наступлению ночи их лежала еще масса, распростертых на снегу или погребенных под развалинами горящей деревни.

В этот час вечерних сумерек, когда сигналы сзывали войска французских аванпостов, один из унтер-офицеров обоза удалился от конвоя сопровождаемых им раненых и зашел во двор уединенной фермы, половина строений которой превратилась уже в обломки. Стены еще стояли, но были пронизаны пушечными выстрелами. Пустынное место производило зловещее впечатление.

Став посреди двора, унтер-офицер громко крикнул:

– Кто тут? Откликнитесь! Есть здесь кто-нибудь? Отвечайте!

Он прислушивался: ничто не шелохнулось, над развалинами царило мертвое, шемящее молчание.

Тогда унтер-офицер крикнул снова:

– Никого? Здесь никого нет?

Вдруг он вздрогнул: ему послышался слабый стон позади... Обернувшись, он громко крикнул еще раз:

– Кто здесь?! Я жду... Отзовитесь!

До него долетел слабый, как дуновение ветерка, голос:

– Ко мне!

На этот раз не могло быть сомнений. Унтер-офицер перешагнул через кучу навоза, побежал к рухнувшей стене, разбросал ее обломки и склонился над ними.

Перед ним лежал на грязи, в своем блестящем мундире, один из молодых офицеров-конногвардейцев, которые еще сегодня утром так горделиво кичились перед французской армией.

Его каска откатилась в сторону, сабля все еще держалась в крепко сжатой руке, лицо было мертвенно-бледно, и весь он был залит кровью. Немного дальше можно было разглядеть при свете сумерек темную массу его околевшей лошади.

«Хорошая находка! – подумал унтер-офицер. – Это какой-нибудь русский вельможа».

Раненый, собрав последние силы, попробовал начать говорить:

– Что сражение? – задыхаясь, спросил он.

– Выиграно.

– Кем?

– Нами.

– Нами? Кем?

– Французами, черт возьми!

– А... Вы француз?

– И горжусь этим!

Дрожь пробежала по телу раненого. Он продолжал:

– Кто вы? Как ваше имя?

– Жером Кантекор де ла Коррез, квартирмейстер обоза, к вашим услугам. А вы, ваше сиятельство?..

– Я? Я... – нерешительно ответил раненый. – Я князь... Борисов.

– Так... Куда вы ранены? Я позову людей, через четверть часа вы будете в амбулатории, а недели через две и на ногах. В ваши годы поправляются легко.

Все это было сказано одним духом, так что раненый не успел вставить ни одного слова.

– Я погиб, я это знаю... Помощь бесполезна: у меня пуля в желудке и раздроблено бедро.

Мое дело кончено.

Кантекор громко сделал неудобное замечание:

– А вы хорошо говорите по-французски для русского!..

Князь Борисов закрыл глаза и тихо сказал:

– Я жил во Франции...

Затем, с трудом переведя дыхание, он продолжал, несмотря на свою страшную слабость:

– Оставим это... время дорого, его так мало для меня... Вы унтер-офицер и, я полагаю, человек честный...

– Черт возьми!..

– К тому же у меня нет выбора. Я доверюсь вам... Слушайте... там, у седла моей лошади... Вы ее видите?..

– Вижу.

– Там есть сумка... в ней двести луидоров. Это ваша добыча...

Кантекор поклонился. Раненый продолжал:

– Там есть еще бумаги... Эти бумаги вы должны сжечь на моих глазах, тут же, не рассматривая и не читая их... Это любовные письма... вы понимаете... они могут скомпрометировать знатную даму... Вы поняли меня, товарищ?..

– Совершенно.

– Затем, – продолжал кавалергард, – вы возьмете из кобуры мои пистолеты и придержите мою руку, пока я прострелю себе голову: я слишком страдаю... Услуга милосердия... обязательная для солдата, даже для врага... Не правда ли, товарищ?

Кантекор нахмурился и размышлял с минуту.

«Начнем с начала, – подумал он, – посмотрим сумку».

Не отвечая раненому, он подошел к мертвой лошади, наклонился и отвязал кожаную сумку, ремнем привязанную к седлу. Открыв ее, он медленно ощупал золото и тихо вернулся назад.

Русский следил за ним тревожным взглядом.

– Пистолеты! – крикнул он дрожащим голосом. – Вы забыли взять мои пистолеты...

– Вы непременно хотите этого? – пожал плечами Кантекор, а затем вернулся к лошади, взял пистолеты и бросил их на снег.

– Спасибо! – облегченно вздохнул Борисов.

В это время унтер-офицер, стоя над ним, пробормотал про себя:

– Надо рассмотреть все получше...

– Зачем? – быстро перебил раненый.

Кантекор прикусил язык и, сухо рассмеявшись, поспешил сказать:

– Я говорю, что надо огня, чтобы сжечь ваши бумаги.

Крепко держа зубами кожаную сумку, он стал рыться свободными теперь руками в своих глубоких карманах, откуда постепенно извлек пучок соломы, конец длинной восковой свечки и огниво. Он высек огня на клочок соломы и зажег свечу, причем весело прибавил:

– Вот мы как! В затруднение не приходим!

Во тьме наступившей ночи мерцающий огонек осветил его лицо. Конечно, в эту минуту, пленный пожалел, что доверился ему. Но, как он сказал, выбора у него не было.

Физиономия Кантекора не внушала симпатии: плутовской вид загорелого лица, бегающий взгляд циничных глаз не вызывали доверия к себе.

Он обернулся, прикрепил свой факел для защиты от ветра в трещину обвалившейся стены, затем с довольной усмешкой опустил в карман золотые монеты и принялся со спокойнейшим видом рассматривать бумаги.

– Жгите! Жгите же! – повелительным голосом, ставшим резким и громким от сильнейшего нервного напряжения, крикнул ему тот, кто назвал себя князем Борисовым.

– Тише! Тише, молодой человек! Торопиться некуда... Прежде чем что-нибудь уничтожить, надо узнать, в чем дело, – наставительно заметил Кантекор, делая успокаивающий жест раненому, а затем с прежним невозмутимым видом открыл пакет с письмами.

– Каналья! – простонал кавалергард и нечеловеческим усилием приподнялся на правом локте, схватил было саблю, но силы изменили ему, и оружие упало на землю.

Кантекор оттолкнул его ногой и без всякого стеснения стал разбирать надписи на конвертах, читая вслух:

– «Графу Арману де Тэ, князю де Груа, поручику конной гвардии». Раз, два, три, четыре, пять, шесть, – считал он, – все на одно имя... Сомнений быть не может. Ты такой же русский, как и я! Посмотрим дальше... Дело-то, кажется, скверно!..

Он открыл наудачу один из листков и пробежал его взглядом. Ему бросились в глаза отдельные фразы, имена: «Герцог Энгиенский... мученик... Ривьер... Полиньяк... Иммармон... Узурпатор... Бонапарт... Прованс... д'Артуа... Молодой король, король истинный... Узник Тампля... ослепленной любовью к дочери Корсики...».

Мелькнули женские имена: «Герцогиня Шеврез... графиня де Гиш... мадам Кюстин... маркиза д'Этиоль», много раз попало на глаза имя «Полина Боргезе»...

Не читая далее, Кантекор сложил бумаги, опустил их в карман к луидорам и подошел к умирающему самозванцу, катавшемся теперь по земле с кровавой пеной на губах.

– Граф Арман де Тэ, князь де Груа, поручик конной гвардии, француз на русской службе, эмигрант, изменник своей родине, отступник и ренегат! Все ли твои титулы я перечислил? Граф и князь! Примите мой привет! – иронически раскланялся перед ним Кантекор.

– Подлец! – простонал еле слышно тот.

– Можете быть уверены, – продолжал унтер-офицер, – что ваши бумаги в хороших руках! Через несколько дней его превосходительство Жозеф Фуше, министр полиции, рассмотрит их с подобающим вниманием, и если ваши друзья получают некоторые неприятности, то будут обязаны этим вам. Накануне битвы следует сжигать самому такие любовные письма!

– Бандит! Разбойник! Наполеоновский солдат! – мог еще произнести умирающий.

Унтер-офицер на этот раз оскорбился. Он нагнулся, поднял пистолет и сказал торжественным тоном:

– Изменник своему знамени! Император приговаривает тебя к расстрелу. Я исполняю приговор императора его именем!

Затем не прицеливаясь, с расстояния трех шагов, этот судья, ставший палачом, разрядил свой пистолет, выстрелив в окровавленное, беспомощное тело, извивавшееся перед ним в предсмертных судорогах... Выстрелив, он сделал гримасу и почувствовал потребность в оправдании.

– Он сам этого просил, – пробормотал он и, повернувшись спиной к труп, мерным шагом вышел со двора фермы.

Позади него, оставленный на съедение волкам, в добычу воронам, всем ужасам ледящей ночи, остался лежать на снегу труп в блестящем мундире, окрашивая кровью землю...

Кантекор шел, весело побрякивая золотом в кармане и думая про себя: «Ну, сегодня я не потерял времени напрасно!»

Достигнув аванпостов французской армии, он назвал себя и прошел в лагерь.

II

Жером Кантекор де ла Коррез не был простым солдатом. В двадцать семь лет у него было уже бурное прошлое, полное всевозможных, иногда весьма сомнительных приключений.

Его отец держал гостиницу на пустынной дороге Ма-Шевалье, стоящую на опушке Кюбесского леса. Шесть месяцев в году она была занесена снегом; она имела очень дурную репутацию, которой вполне соответствовало ее название «Приют повешенного», данное в память прежнего владельца, окончившего жизнь самоубийством. Путешественники здесь были редки, даже в лучшее время года, зато нужда была тут постоянной гостьей.

В пятнадцать лет Жерому надоела нищета. Его тянуло вон из родительского дома и хотелось повидать свет. В одно прекрасное утро он, даже не попрощавшись ни с кем, исчез из дома, бросив отца и мать, братьев и сестер. Правду сказать, если он оставлял много желать, то и другие члены семьи были немногим лучше.

Отец Кантекора был человек грубый и, когда не было хлеба, кормил семью тумаками. При таких условиях семейная жизнь была не из отрадных; дети были угрюмы, жена болезненна. Она прожила недолго, умерла молодой.

Жером вышел из дома с палкой в руках, с парой деревянных башмаков за плечами и без гроша в кармане. Какой-то прохожий дорогой обратился к нему с вопросом:

– Куда идешь, мальчуган?

– В Париж! – гордо ответил тот не задумавшись.

Это было в начале 1793 года. Париж танцевал в это время карманьолу, и любителям ловить рыбу в мутной воде было полное раздолье.

В продолжение долгого пути мальчик жил воровством. По прибытии в Париж ему посчастливилось приютиться у одного булочника, большого патриота и филантропа, с увлечением посещавшего парижские клубы, чтобы слушать политических ораторов. Он взял с собой и маленького Кантекора, и тот скоро вошел во вкус этих посещений. Таким образом он присутствовал неотлучно при всех событиях этого кровавого года. Он увлекался красноречием ораторов до полного восторга, а когда подрос, то и сам принял деятельное участие в событиях. Перед ним прошли жирондисты, любимцы Бриссо, Верньо, Дантон и Робеспьер; он ревел от горя, видя смерть Марата; сопровождал до ступеней эшафота Шарлотту Корде, рукоплескал палачу, срубившему ее голову. Он видел казнь Марии-Антуанетты, госпожи Дюбарри, Полины Роланд и присутствовал не только как свидетель, но и как сообщник всех этих кровавых расправ. В обществе санкюлотов он научился пить.

Булочник, покровительствовавший ему, был выбран президентом одной партии и взял его к себе секретарем, для чего Кантекор изучил незнакомую ему до тех пор грамоту. С этих пор он считал свою будущность упроченной.

Скоро он выказал особую способность выслеживать людей, и все время, пока продолжался террор, он, несмотря на свою молодость, был усердным поставщиком гильотины.

Затем он на время скрылся из вида и появился снова на сцену уже бригадиром 1-го гусарского полка. Ему было тогда двадцать два года, и ему очень шел красный доломан и длинные усы. Скоро он присоединился к клике – к обществу всех отбросов, худших людей этого гусарского полка.

В 1804 году Кантекор находился в числе тех двухсот кавалеристов под командой Орденера, которым удалось дерзкой выходкой похитить герцога Энгийенского из замка Эттенгейм в Баденском герцогстве, в трех верстах от Рейна, и отвезти его пленником в Париж, где он погиб в Венсенской башне.

После этого сомнительного подвига, заставившего пожалеть о себе самых ярых приверженцев империи, Кантекор, получивший галуны квартирмейстера, сопровождал в следующем году Наполеона в Австрийской кампании. Она окончилась для императора победой при Аустерлице, а для Кантекора – счастливым поворотом судьбы.

И вот вечером этого знаменательного дня в лагере, когда его товарищи спали, растянувшись на соломе, он при свете костра рассмотрел подробные бумаги графа де Тэ, которые случайно предоставил в его руки.

Все они имели форму писем и носили штемпель Англии, этого постоянного убежища врагов Франции. Ни одно из этих писем не было подписано, но было очевидно, что речь шла о готовившемся заговоре. Это доказывали имена Ривьера, Полиньяка, этих последователей Кадудая, помилованного императором и содержавшегося в Венсене, Бруслара – этого неуловимого шуана, смеявшегося над агентами Фуше и над жандармами Савари, открыто поставившего целью своей жизни смерть «тирана» и «людоеда» Бонапарта; все это, несомненно, указывало на существование тайного заговора против новорожденной империи.

Кантекор не мог скрыть свою радость. Мечта, которую он втайне лелеял долгие годы, близилась к осуществлению.

Прошло с этого дня два месяца, и он добился в Париже приема у министра юстиции; двери Фуше открылись перед ним, когда он предъявил все свои важные бумаги и объяснил их значение. Министр полиции спросил, что он желает получить в награду. Тогда Кантекор, не задумавшись ни на одно мгновение, без запинки ответил:

– Место в полиции, мой отпуск кончился. Я хочу быть полезным и знаю, что могу им быть.

Фуше улыбнулся: хитрый и смелый плут понравился ему. Он немедленно зачислил Кантекора в отряд особых шпионов, и ему не пришлось раскатыться в этом, по крайней мере сначала.

Жером Кантекор сделался политическим агентом, что он, справедливо или нет, считал своим призванием. Его дебют был удачен; в то же лето он нашел случай зарекомендовать себя, и вот каким образом.

Только что утвердившись в своих новых обязанностях, он первым делом позаботился разыскать самолично тех лиц, имена которых он нашел в письмах Армана де Тэ, окончившего свою жизнь при его неблагосклонном участии.

Ривьер и Полиньяк содержались в венсенской тюрьме. Преследуя Бруслара, он потерял напрасно время и труды, безуспешно разыскивая следы того, кого прозвали «Неуловимым», – ни малейшего указания, никакого следа он не нашел.

Ему больше посчастливилось относительно д'Иммармона и Прюнге д'Отрем; он узнал, что единственные дворяне во Франции, носившие эти имена, жили оба в замке Дебли, близ

Компьена. Эти оба эмигранта, казалось, примирились с событиями дня и жили спокойно, вдали от политических течений, занимаясь единственно своим именем. Обоим им едва было по двадцати пяти лет. Граф Жан де Прюнге выказывал большую привязанность к своей кузине Изабелле д'Иммармон, отвечавшей ему взаимной нежностью. Если они имели какие-нибудь замыслы, то скрывали их очень искусно: в их тихой деревенской жизни ничто не возбуждало подозрений. Во всяком случае, их местопребывание было теперь известно.

Кантекор, еще малоопытный в делах политики, не брал в расчет женщин; из всех поименованных в письмах лиц для него оставался теперь загадкой молодой король (какой – бог его знает!), о котором писали, что он без ума влюблен в Полину Боргезе. Найти след было нетрудно: он вел в Рим.

Там Жером Кантекор узнал много нового, собрал разные сведения и не сомневался уже в том, что попал верно и его попытки увенчаются успехом. Фуше поддерживал его, рекомендуя молчание и осторожность.

Из Рима Кантекор вернулся в Париж, преследуя по пятам красивого молодого человека с изящной фигурой и темно-синими большими глазами, называвшего себя де Гранлисом; он казался очень благородным, созданным для поклонения и преданности, а вместе с тем в течение всей своей жизни, в прошлом и в настоящем, был одним из самых несчастных, несправедливо преследуемых судьбой людей.

Около семи часов одного из июньских вечеров Кантекор следовал за этим молодым человеком через заставу Руль, где тогда оканчивалась деревня Нельи, под Парижем. Шпион следил за ним по всем улицам, среди прохожих, как тень, не спуская с него взора, ни на минуту не теряя его из виду, пожирая его взглядами.

Передать его в руки полиции было величайшей удачей, потому что он был беглецом и изгнанником почти со дня рождения, и во время террора, и во время Директории преследуемый Консульством так же, как и империей. А если бы Бурбоны утвердились на престоле своих предков, то его изгнание стало бы еще более несомненным. Кантекор теперь уже знал все это.

Этот молодой человек, так опасный для себя самого, быстрыми шагами направился к предместью Сент-Оноре.

Чудный летний день клонился к концу; посреди улицы играли дети, а на порогах домов сидели и стояли женщины, толкуя о своих делах в ожидании возвращения мужчин после дневной работы. Заходящее солнце золотило почерневшие черепицы крыш и играло на стеклах запыленных окон. Тишина и спокойствие, разлитые в воздухе, как будто навевали надежды, оживляя радость жизни.

Де Гранлис, не замечая окружающего, всецело погруженный в прошлое, торопливо шел вперед. Несмотря на свои двадцать лет, Кантекор уже задыхался, преследуя его и бормоча под нос:

– Куда он так несется? Неблагоразумно заставлять людей бежать таким образом. И притом еще вечер такой жаркий!

Проходя, он бросил завистливый взгляд на кабачок, где рабочие и солдаты опустошали стаканы и бутылки, и с глубоким вздохом проговорил про себя:

– Если наша судьба бежать – будем бежать, черт возьми! Придет когда-нибудь и моя очередь и пить и смеяться...

Между тем молодой человек с прежней скоростью пробежал уже все предместье. Перед одним маленьким домиком он было замедлил шаг, как бы колеблясь, но затем пошел дальше и не останавливаясь достиг площади Согласия. Там он остановился и издали задумчиво наблюдал открывшуюся перед ним картину. В этот тихий час большая площадь казалась еще обширнее, лишенная красовавшихся на ней раньше статуи Людовика XV и потом статуи Свободы.

Де Гранлис, без сомнения, вызывал в своей памяти другое время и другое зрелище этой легендарной площади. Ему мерещилась кипящая, ревушая толпа, окружающая эшафот на

обогрени кровью земле. Ему слышались гремущая песнь карманьолы, стук колес тележки, глухой звук ножа... Здесь, в ста шагах перед ним, работала гильотина, смертоносное, ненасытное чудовище. Здесь скатились тысячи голов, здесь погиб цвет французского дворянства... Тут же погибли Людовик XVI и Мария-Антуанетта, а с ними – королевская власть.

Молодой человек медленно снял шляпу и стоял неподвижно, устремив взор на страшную площадь, будучи погружен в глубокую задумчивость. В тридцати шагах от него, спрятавшись за толстое дерево, следил за ним во все глаза Кантекор. Даже ему на мгновение пришло желание последовать примеру де Гранлиса и обнажить голову. Хотя он и не сделал этого из уважения к своим принципам, но все же стоял печальный, рассуждая про себя: «Ну да, это понятно... Паломничество...»

Прошло минут двадцать; де Гранлис не трогался с места. Агент Фуше зевал, стоя за деревом, и выходил из себя.

Наконец молодой человек сделал прощальный жест и медленно направился в сторону улицы Рояль. Кантекор шел по его следам. На улице Анжу они миновали новую церковь Святой Магдалины, по идее Наполеона превращенную в храм Славы; налево виднелась старая церковь того же имени, разбитая кирками и ломами... Квартал изменил свою физиономию.

Вдоль всей улицы Анжу тянулись фасады новых частных домов, выстроенных на земле благочестивых бенедиктинок. Листва деревьев старинных садов иногда превышала стены.

Кантекор был в недоумении: куда же, наконец, они идут? Он не мог угадать это при всем желании, но вспомнил, что в былые времена не раз проходил этой дорогой, радостными криками провозжая тележку с телами казненных...

В конце улицы Анжу де Гранлис остановился перед красивым двухэтажным домом, стукнул молотком у входных дверей и стал прислушиваться. Шпион, прильнув к стене за углом, тоже настрожил уши.

Дверь полуоткрылась; последовал короткий разговор между прибывшим и кем-то внутри дома; один просил и настаивал, другой, казалось, колебался и возражал; наконец он уступил, и де Гранлис вошел в дом.

Кантекор немедленно вышел из своей засады и быстро очутился перед подозрительным домом, как раз вовремя, чтобы дверь не успела захлопнуться. Решительной рукой он придержал половинку двери и в свою очередь проник в вестибюль.

Какой-то старик испуганно попятился перед ним, говоря:

– Сюда нельзя, нельзя! Кто вы?

Кантекор не смутился и грубо ответил:

– Я иду, куда входят другие... Кто я? Полицейский, милый друг! Молчи или берегись! Ты принимаешь беглецов, я видел. Ну, прочь! Пропусти меня!

– Ах, если бы вы знали, если бы вы видели, слышали этого молодого человека! – начал испуганный старик. – Его отец, его мать погребены здесь...

– Что такое ты толкуешь? Что же здесь такое?

– Здесь бывшее кладбище Святой Магдалины, – печально ответил старик.

– Черт возьми, ведь это верно, – пробормотал с невольным трепетом Кантекор. – Ну все равно, я должен видеть... – И он прошел дальше.

Бывшее кладбище после террора было куплено адвокатом Оливье Деклозо. Преданный роялист, он хотел спасти таким образом от осквернения обогрени кровью землю, где покоились изуродованные тела короля Людовика XVI, королевы Марии-Антуанетты, Шарлотты Корде – драгоценные для него останки. Здесь же покоились кости Роланд, Дюбарри и многих тысяч обезглавленных аристократов... Теперь здесь был разведен сад.

Итак, несмотря на все предосторожности, несмотря на то, что царевубийцы сжигали известью тела своих великих жертв, чтобы когда-нибудь впоследствии не удалось «поклоняться

останкам тиранов», все-таки осталось возможным паломничество верных к своей святыне, придворных без двора – к погибшему королевству.

Кантекор прошел узкий коридор и очутился сейчас же в мрачной ограде. Здесь было множество деревьев, большей частью грабов, и крестов, обозначающих могилы.

В конце узкой аллеи шпион заметил де Гранлиса, склонившегося над низеньким холмиком, осененным двумя плакучими ивами. Это была королевская могила, в углу стены, близ колодца.

Кантекор не был трусом. На войне он отличался выдающейся храбростью, о чем красноречиво говорили рубцы многих ран на его теле. В чистом поле, при дневном свете, он не боялся ни Бога, ни дьявола, как он утверждал, и он не лгал. Но – у каждого свои слабости – он не мог выносить атмосферу кладбища, в особенности при наступлении ночи.

Смеркалось. Дрожь пробежала у Кантекора по спине, и он тревожно оглядывался кругом, припоминая многое...

Как часто мальчишкой, ради своего удовольствия, из преданности республике, он провозжал сюда с песнями и смехом тела тех, кто здесь зарыт! Он вспомнил Дюбарри с распущенными волосами, тщетно умолявшую палача о пощаде, вспомнил молчаливую королеву Марию-Антуанетту, надменную госпожу Роланд, других женщин, которых он преследовал тогда своими свистками, своей наглой бранью...

Что это? Там как будто приподнялась земля... А это дерево? Отчего оно так похоже на темную фигуру обезглавленной женщины?... Черт возьми! Какое зловещее место!.. Точно голоса слышатся под землей... Что, если откроются все эти могилы? если земля выбросит на поверхность скелеты? если появятся они, держа в руках свои окровавленные головы?..

Холодный пот выступил у Кантекора на лбу, голова кружилась. Медленно, не оглядываясь, пятился он к дому.

Старик ждал его.

Едва овладев своим голосом, Кантекор спросил:

– Другого выхода нет?

– Нет.

– Хорошо, я уйду... Смотри – ни слова обо мне тому молодому человеку, слышишь?

– Я не скажу ничего.

– Отлично, прощай!

Он вышел из сада, из дома с отвращением, как из логовища змеи.

Между тем де Гранлис неподвижно стоял над общей могилой короля и королевы. У него были свои видения...

Он вспоминал свое счастливое детство: Версаль, Трианон, прекрасных женщин, графинь и маркиз, игравших пастушек среди белых барашков, с голубыми лентами, резвые хороводы, которые водили принцессы, роскошные наряды, солдат с блестящим оружием. Ему слышались звуки труб на королевском дворе, пение Марии-Антуанетты в белом салоне для избранных, под звуки клавесин. Ему виделся Компьенский замок, где все были веселы и забывали строгости этикета, Тюильри в зимнюю пору...

Потом неожиданно декорация изменилась. Ароматный воздух, полный смеха, весел, дорогих духов, сменился запахом пороха, народа, дикими криками угроз, оскорблений. Он, ребенок, умевший только улыбаться, научился трепетать. Исчезли любовь, преданность, радость. На смену явилась ненависть, ярая, слепая, беспощадная... Как кровь, заалела ее красная шапочка.

Потом Варенн¹, те незабываемые дни, потом Тампль, наконец – заключение... Среди всех этих сцен де Гранлис ясно представлял себе действующих лиц, большей частью погребенных

¹ Небольшой город в Маасском департаменте. Здесь 22 июня 1791 г. бежавший из Парижа король Людовик XVI с семьей

теперь здесь, после долгих мучений, после жгучих страданий... Теперь они покоились здесь мирно, невозмутимо...

Он призывал их, протягивая к ним руки. Ему чудилось, как и Кантекору, что земля приподнимается, что на его голос молча встают из недр земли несчастные страдальцы – обитатели этого мертвого царства. Как в бреду, видел он их тени у подножия эшафота. Перед ним были весь двор, весь Версаль, весь Трианон, принцы, принцессы целой вереницей, с королем и королевой во главе.

Медленно, торжественно подвигались они к нему, точно прошлое шло навстречу настоящему, приветствуя будущее.

Как они были бледны! Какой ужас был в глубине их взоров! У всех, у мужчин и женщин, виднелось точно кровавое ожерелье вокруг шеи, след «красной крови проклятых аристократов», след ножа гильотины.

Де Гранлис отступил от этих призраков прошлого, от этих привидений, наполнявших кладбище, но они шли и шли, со всех сторон... Это был точно парад всего дворянства королевства.

«Король!.. Королева!..»

Ударили невидимые барабаны, раздался торжественный гимн во славу Божию. Его прервал отдаленный, глухой, сначала неясный шум, затем последовали рев, крики, слившиеся потом в пение Марсельезы, Карманьолы, рев опьяненного народа...

В эту минуту пронеслось дыхание бури, деревья склонились, роняя листья, вихрь сбрасывал черепицы, целые крыши, Ошеломленному молодому человеку казалось, что ураган вместе с облаком кровавой пыли снес головы с плеч всех этих бесчисленных тел.

Не будучи больше в силах выносить охвативший его ужас, де Гранлис вернулся в дом, охранявший все тайны былых времен. Смущенно поблагодарил он старика и вышел большими шагами, отирая слезы на глазах. Почти бессознательно дошел он до улицы Сюренн. Там он осмотрелся и вернулся в предместье Сент-Оноре.

Наступила ночь, светлая, прозрачная, усеянная звездами, озаренная бледной луной. За де Гранлисом, старательно заглушая шаги, опять шел по пятам Кантекор. Долго шли они; в наступившей тишине редко слышались шаги запоздалых прохожих.

Де Гранлис остановился перед домом, где виднелись освещенные еще окна часового магазина, и после минутного колебания вошел туда. Полицейский остался ждать.

Время шло; прошло четверть часа, половина... Огонь в окнах потух, ставни лавки закрылись.

– Ладно, – пробормотал агент Фуше, – он остается; здесь, как видно, логовище зверя.

Отойдя от дома, он призвал двоих полицейских в форме и отдал им краткие приказания, указав на дом. Затем он окликнул пустой фиакр и бросил кучеру адрес:

– Набережная Магаке, полицейское управление... скорее!

Кучер поморщился, но стегнул лошадь и погнал ее рысью.

III

В конце предместья Сент-Оноре когда-то был маленький переулок, скорее одна из мелких улиц, окаймленных облупившимися стенами, зимой занесенная снегом, летом засыпанная пылью; эта улица выходила к кладбищу Эрранси, туда, где теперь находится парк Монсо. Несколько лет тому назад одному из владельцев пришла фантазия загородить проход в узком месте улицы каким-то строением вроде сарая, где хранились тележки торговцев. Затем, со

был остановлен и принужден возвратиться в Париж. Этот момент был поворотным в ходе Великой французской революции.

временем, этот сарай был заброшен и мало-помалу развалился. Скоро сообщение по проулку возобновилось, но этот проход знали только местные жители, другим он известен не был.

Это место точно нарочно было создано для каких-нибудь таинственных исчезновений, для темных приключений и подозрительных личностей, столь обильных в это смутное время.

На самом углу этого проулка и предместья, имея выходы на обе улицы, стоял низкий дом, где помещалась лавка, а над ней жилое помещение под остроконечной черепичной крышей. Уже лет двадцать как этот дом был занят небогатым часовщиком по имени Гиацинт Боран. Он поселился в этом мрачном жилище со своей маленькой двухлетней дочерью Рене; у него был подмастерье Блезю, жена которого, толстая Жанна, служила для домашних услуг. Он охотно рассказывал соседям, что овдовел и переехал с прежней своей квартиры, на улице Маре, спасаясь от грустных воспоминаний.

Прошло три месяца, и новые жильцы, скромные, тихие и спокойные, перестали возбуждать любопытство; к ним привыкли и даже выказывали некоторые уважение.

Они пережили революцию, террор, Директорию безо всяких тревог; Консульство, империя тоже оставляли их в покое. Словом, это были вполне спокойные люди.

Часовщик, в черной шелковой шапочке, вставив большую лупу в правый глаз, целый день трудился над своей мелкой работой, которая, по-видимому, поглощала все его внимание, но, сидя у окна, он мог видеть все происходившее на улице.

Иногда какой-нибудь прохожий останавливался перед скромной выставкой: трое позолоченных цинковых столовых часов, ряд серебряных карманных, сережки, кольца, табакерки да брелоки составляли все убранство узкого окошка. Прохожий любовался на выставленные предметы и как бы в рассеянности барабанил пальцами по стеклу. Если Боран немедленно поднимался с места, то прохожий с беззаботным видом отходил от окна; если же часовщик снимал свою шапочку и откладывал работу, тогда прохожий решительно входил в лавку.

Вот что наконец заметил опытный шпион Кантекор, но сколько надо было потратить на это времени, труда и терпения!

Большей частью эти таинственные посетители – клиенты «папы Борана», как называли часовщика по соседству, состояли из стариков, старушек, почтенных дам, отдававших запахом бергамота и испанского табака, по своим годам уже несомненно принадлежавших к старому режиму и бывших вне всяких подозрений. Они входили, садились на деревянные стулья, говорили медленным, тихим голосом, пока часовщик, для приличия, рассматривал какую-нибудь старинную «луковицу», бывшую предлогом для посещения.

В уголке подмастерье Блезю продолжал свою работу; позади лавки, где была кухня, служившая и столовой, толстая Жанна передвигала кастрюли, приготовляя обед; Рене, сначала девочкой, а потом взрослой девицей, стояла у дверей, глядя на прохожих...

Что могло быть невиннее этой маленькой торговли, этих безобидных, смиренных людей? Иногда в лавке встречались какой-нибудь старичок и старушка, случайно или намеренно, кто мог бы это сказать? Были ли они знакомы раньше? Может быть. Они обменивались вежливыми поклонами, тысячью учтивостей, а может быть, и какими-нибудь сообщениями – кто знает?

Иногда загорелый молодец, имеющий вид моряка, бравый и коренастый, входил в лавку, торговал часы или табакерку, расплачивался ассигнациями... Что могло быть невиннее? Кто мог заподозрить, что в этой пачке кредиток проскальзывало какое-нибудь письмо, предупреждение, какие-нибудь подозрительные имена?

Но это случалось не раз во время террора и Директории.

Несмотря на весь свой смиренный, безвредный вид, дом Борана был центром крупного заговора роялистов.

Сын бывшего лакея Людовика XV, часовщик был горячим сторонником королевской власти и служил ей слепо, по-своему; но иногда и мелкая преданность оказывает крупные услуги.

На чердаке, под остроконечной крышей, находился чулан, высокий и узкий, скрывавшийся за потайной дверью, совершенно незаметной за штукатуркой. Когда дверь была заперта, чердак казался пустым, его можно было окинуть одним взглядом. В случае нежелательного посещения осмотр не открыл бы ничего, кроме множества паутины, тщательно охраняемой. Чулан занимал восемь квадратных футов и мог свободно вместить двух человек, а в случае необходимости даже троих. Он находился под самой крышей, старые черепицы которой пропускали в трещины между собой достаточно свежего воздуха, а во время дурной погоды и большие капли дождевой воды, что составляло неудобную сторону этого помещения. Чулан был расположен на западной стороне чердака, выходящей на упомянутый выше проулок, пустынный даже днем, не говоря уже про ночное время.

Внутри все убранство чулана состояло из двух соломенных матрасов.

Многие из вождей роялистского восстания проводили здесь по несколько дней в последний десяток лет: граф Фротте, Пишегрю, Шаретт, а позже Жорж Кадудаль², сам неуловимый Бруслар и многие другие из знаменитых в то время заговорщиков.

Несмотря на это, до самого 1806 года ни малейшее подозрение не зародилось среди полиции, хотя она, переживая все политические движения, оставалась обычно хлопотливой.

«Гражданин Боран» в трагические дни гильотины, «папа Боран» – во время Консульства и империи сохранил за собой все ту же репутацию почтенного, спокойного человека, вполне чуждого политическим партиям, живущего исключительно для своей дочери, составлявшей всю радость его жизни, и для своей процветавшей маленькой торговли.

В начале 1795 года семейство часовщика неожиданно увеличилось прибытием его племянника, который был немного моложе Рене, насчитывавшей в это время двенадцать лет своей жизни.

В одно прекрасное утро соседи увидели в лавке это новое лицо, представленное им при случае под именем Шарля Борана, сына Сильвена Борана, младшего брата Гиацинта. Племянник часовщика прибыл в Париж из своего родного города, чтобы изучить ремесло под руководством своего дяди и впоследствии пристроиться самому в столице.

Это был блондин с изящным и бледным, несколько утомленным лицом, и последнее вызывало справедливые замечания многих, что, как видно, воздух Нормандии не отличался особенной целебностью, если тамошние дети были так хрупки на вид. Но Боран объяснял бледность своего племянника возвратной лихорадкой, и никто не требовал более подробных пояснений такого незначительного дела.

Шесть лет провел мальчик в тяжелой атмосфере предместья, редко выходя из дома, часто хвора, присматриваясь около Блезе или самого Борана к устройству часового механизма, ко всем подробностям специальности, необходимой для избранной им профессии. Между делом он много читал, в особенности книги по истории Франции. Все эти занятия удерживали его дома, как и тех, у кого он жил.

Летом, по воскресным дням, все семейство, включая работника и служанку, отправлялось за город, в Ванва, где у Борана был маленький домик и садик. Это жилище было уединенно, в стороне от дороги, и там нечего было опасаться любопытных глаз и ушей.

Все весело забирались в нанятую для этого тележку, нагруженную, кроме того, провизией. По прибытии на место припасы выгружались и все входило в дом. Здесь сейчас же происходила каждый раз одна и та же странная перемена в отношениях этих людей.

² Фротте и Кадудаль были самыми непримиримыми борцами за королевскую власть и самыми упорными вождями шуанов. Самое незначительное движение роялистов-шуанов (так прозвали крестьян Коттро в департаменте Майенны) быстро разлилось (в 1793 г.) по всей Вандее и Бретани, и началась малая, но жестокая война с республиканским правительством. Тысячи республиканцев гибли в схватках и засадах. Шуанов поддерживало английское правительство. С небольшими перерывами восстание шуанов продолжалось до 1800 г., когда был разбит их главный вождь Кадудаль, в 1804 г. казненный Наполеоном.

– Ваше высочество! Наш принц! – говорил Боран, падая на колени со всей своей семьей перед своим учеником. – Не надо больше комедий, на этот день по крайней мере; позвольте вашим слугам воздать вам должное и обождать вас!

Шарль не без достоинства поднимал распростершихся перед ним друзей и играл до наступления ночи свою таинственную роль обожаемого принца.

Кто же был этот мальчик, по-видимому такой ничтожный в повседневной жизни, которому, однако, воздавали королевские почести люди, знавшие тайну его происхождения? До сих пор этого никто не знал.

Все, окружавшие сначала ребенка, потом юношу, обходились с ним по необходимости так, как того требовало его скромное положение: просто, фамильярно, иногда грубовато-дружески.

Этих предосторожностей и соблюдения их со всей точностью строго потребовал граф де Фротте, который привел ночью к Борану этого десятилетнего страдальца, измученного, бледного, с длинными, распущенными локонами, дрожащего от страха и лихорадки, завернутого в шинель графа. Самолюбие принца часто страдало от такого обращения, конечно не со стороны приютившей его семьи, а со стороны посторонних людей, видевших в нем лишь ничтожного мальчишку-ученика.

Еще один строгий приказ был отдан генералом-роялистом: звание ребенка должно было оставаться полной тайной для всех, кроме Борана и его семьи; ни под каким видом его нельзя было открыть никому из инсургентов или скрывавшихся шуанов, также искавших приюта на чердаке дома Борана, как бы эти люди ни казались преданны и облечены доверием. Исключение было допущено лишь для троих вождей: Кадудала, Шаретта и Бруслара, но граф добавил, что от сохранения строжайшей тайны зависела жизнь маленького беглеца.

Этот приказ исполнялся с точностью. Граф де Фротте мог сложить свою голову на эшафоте; его завет и из-за могилы исполнялся свято и ненарушимо.

Жестокий урок покорности пришлось вынести потомку великих предков; может быть, впоследствии он не раз вспоминал его.

Дочь часовщика, Рене, была старше принца на три года, и между ними возникла глубокая дружба. Сначала она смотрела на него с высоты старшей, как на царственного ребенка, и привязалась к нему со всей преданностью добровольной рабыни. Со своей стороны, несчастный мальчик, перенесенный из атмосферы угроз и ненависти в этот тихий и мирный уголок, охотно шел навстречу каждой ласке, ища отдыха от ужасов прошлого. В этой дружеской, теплой среде он развивался быстро, и скоро отношения между ним и Рене изменились. Настала его очередь обращаться к Рене с нежной снисходительностью юноши, превращающегося в мужчину, чему еще более способствовало его высокое происхождение.

Когда ему исполнилось пятнадцать, а ей восемнадцать лет и он стал красивым юношей, а она – хорошенькой девушкой с густыми черными волосами и блестящими глазами, между этим переодетым королем и маленькой лавочницей, поверенной всех его мечтаний и грез и вместе с тем его преданной рабой, возникли отношения, которые было бы очень трудно определить, равно как и характер их взаимной привязанности. Иногда они, сами не зная, почему, краснели и смущались присутствием друг друга.

Прошел еще год этой тесной, интимной жизни в маленьком домике, где почти соприкасались локти, а дыхания и души точно сливались вместе. Но вот в один прекрасный вечер в окно часовщика постучал высокий старик, сказал Борану условленный пароль и передал ему пожелтевший листок бумаги; последний ничего не сказал бы другому, но сразу был признан Бораном. Там стояло лишь несколько слов, написанных его собственной рукой: «Передать полученную вещь по назначению», а затем следовала его подпись. Когда-то он сам написал эти строки по просьбе генерала де Фротте, чтобы со временем передать принца не иначе, как подателю этой странной записки.

Взволнованный Боран тяжело вздохнул, но четверть часа спустя принц сел в поданную к дверям карету и уехал, веселый, радостный, ни разу не оглянувшись, весь полный честолубия и жажды новых впечатлений. Рене рыдала, закрыв лицо руками, толстая Жанна следовала ее примеру, а Боран и Блезе тихо сказали:

– Куда он поехал? Увидим ли мы его еще когда-нибудь?

С тех пор Рене перестала петь за своей работой, как это делала раньше.

Пять лет прошло без всяких известий, ничто не напоминало скромным людям об исчезнувшем друге семьи. Они постоянно вспоминали его в беседах друг с другом и печально смотрели на его опустевшее место за столом. Иногда слышался тихий упрек:

– Все-таки он мог бы послать нам весточку.

Потом настало время отчаяния: Бруслар уведомил их, что их принц умер... Стали говорить о нем, только вспоминая прошлое.

В один июньский вечер 1806 года все обитатели лавочки часовщика были на своих местах, занятые своим обычным делом. Боран, у своего узкого окошка, с лупой в глазу, рассматривал пружину часов; Блезе, позади него, в глубине лавки, возился с мелкими колесиками; Жанна гремела посудой на кухне, перемывая тарелки; Рене, молчаливая, уже ставшая старше, побледневшая, добросовестно склонилась над своей работой. Вдруг легкий стук заставил всех поднять глаза.

За окном красивый молодой человек с изящной фигурой тихо постукивал ногтями по стеклу. Это был сигнал, посредством которого эмигранты или бывшие шуаны просили приюта, осведомляясь, можно ли безопасно пройти в дом.

Но уже столько времени никто не искал приюта у часовщика, кроме Бруслара, которого он слишком хорошо знал, для того, чтобы не узнать с первого же взгляда, что все, подняв голову, переглянулись, не зная, отвечать или нет.

Вдруг Рене, смотревшая сквозь стекла на посетителя, тихо вскрикнула и побледнела как смерть. Призывный стук в окно с нетерпением повторился.

– Отец, отец! – крикнула Рене, глядя на часовщика таким взглядом, что тот немедленно сдернул со своей лысой головы шелковую шапочку, что означало: «Можете войти».

Дверь распахнулась, звякнул звонок, посетитель вошел в лавку. Он был молод, высоко и гордо держал красивую голову и с улыбкой скрестил руки на золотом набалдашнике индийской трости.

Боран и его подмастерье с улыбкой смотрели на него, Жанна выглянула из кухонной двери с тарелкой в руке, спокойно глядя, кто пришел. Одна Рене, вскочив с места, сжала руки, впилая жадным взглядом в глаза незнакомца и, дрожа от волнения, не могла выговорить ни слова. Наконец из ее груди вырвался подавленный крик:

– Шарль! Наш принц!

Боран и Блезе вскочили с места, Жанна всплеснула руками, подняв тарелку и полотенце.

Довольный произведенным эффектом, принц отбросил свою трость и, привлекая к себе Рене, воскликнул:

– Ты узнала меня, ты – первая! Знаешь ли ты, что ты стала красавицей с тех пор? – И он поцеловал ее в обе щеки, как бывало делал это раньше.

Девушка вспыхнула от смущения.

– Да, – вздохнул принц, – я ничего не забыл; ничего и никого, – прибавил он, вглядываясь в окружающих. – А ты, Рене, думала ли ты когда-нибудь обо мне? – спросил он, глядя на девушку полным нежности взглядом.

– Всегда, постоянно... – пролепетала та, краснея еще более.

Лицо принца просияло, но Боран перебил ее:

– Ваше высочество, оставались все время...

– Тише, – остановил его молодой человек, приложив палец к губам, – меня зовут де Гранлис.

– Несмотря на расстояние, вы всегда присутствовали между нами, – продолжал Боран. – Дочь сказала правду: всегда, постоянно мы вспоминали о вас; мы ждали какого-нибудь известия, спрашивали себя, почему вы не вспомните своих преданных слуг, воображая, что наша глубокая привязанность заслуживала вашего благоволения...

Принц покраснел и поспешил сказать:

– Я никак не мог сделать это, мои бедные друзья!.. Я все расскажу вам теперь. У меня было столько приключений, столько опасностей... Я снова испытал заключение, тюрьму... Мне еще раз удалось спастись и бежать, почти чудом...

– Кто же осмелился? – воскликнула снова побледневшая Рене, глаза которой пылали негодованием.

– Кто осмелился?.. – повторил принц. – Все они же, эти бунтовщики, мои дяди, которые безо всякого права и доказательств считают меня интриганом, авантюристом, отказываются признать меня своим племянником, законным наследником того, что они украли у меня! Они доказали, что я могу всего опасаться... Эти тайны принадлежат не мне одному, и я не имею права выдавать их даже таким преданным людям, как вы.

Он произнес последние слова с тем видом достоинства, который умел хорошо принимать на себя и который производил такое сильное впечатление на окружающих. Так было и на этот раз; все низко склонилось перед ним, искренне признавая себя недостойными.

Двое прохожих остановились перед лавкой, хотя и плохо освещенной, но все-таки бросившей поток света на еще довольно оживленную улицу. При виде их Боран вспомнил свою обычную осторожность.

– Господин Гранлис, – тихо сказал он, – потрудитесь войти в столовую, отсюда вас слишком хорошо видно.

– Ты прав, Боран, – спохватился принц, быстро обернувшись спиной к улице, – прав тем более, что я сегодня целый день в пути, не завтракал и не обедал. Мне будет приятно поужинать.

– Неужели? – печально воскликнула Рене, в отчаянии от такого признания.

Жанна бросилась растапливать свой погасший очаг, Блезе закрыл лавку, а часовщик спустился в погреб, чтобы сделать честь своему гостю бутылкой лучшего вина. Немного погодя Гранлис спокойно ужинал свежей яичницей, холодным мясом, фруктами, запивая их хорошим вином.

Стоя у стены, хозяева лавочки жадно смотрели на него, как на вновь найденное дитя; они любовались его аппетитом, его манерами, поспешностью, с какой он опустошал свой стакан. Кончив ужин, он, зевая, сказал, что сильно устал, и попросил устроить его на покой. Рене взялась проводить его в тайное убежище на чердаке, где Жанна поспешила устроить временную постель, надеясь завтра устроить гостя поудобнее. Принц в сопровождении молодой девушки поднялся по узкой винтовой лестнице, которая вела из лавки в первый этаж, а оттуда на чердак. Взбираясь по ступеням, он тихо произнес про себя:

– Мне кажется, что я стал на пять лет моложе, что я все еще ученик часовщика... А ведь то было, в сущности, хорошее время.

Звучно раздались шаги молодых людей среди пустого чердака, голоса звучали тише, подавленные воспоминаниями.

Рене поставила лампу на пол и привычной рукой нажала незаметную пружину в стене. С легким звуком, похожим на тяжелый вздох, перед принцем открылась потайная дверь.

Он обнажил голову и задумчиво остановился на пороге, тихо произнося слова точно во сне, точно он был здесь один:

– Все они скрывались здесь, несчастные беглецы, такие, как и я теперь! Они прятались здесь, как затравленные звери, эти герои, страдавшие за мое дело... Генерал Людовик Фротте, самый преданный мне из всех; генерал Шаретт, оплакиваемый мною герой; генерал Пишегрю; могучий Жорж Кадудаль – ужас «синих» и гордость «белых»! Нормандцы, вандейцы, бретонцы, одинаково мужественные, соединившиеся в одной могиле, все равно дорогие моему сердцу... Вы знали мою тайну, вы знали, кто является вашим королем, и вы признавали его перед лицом Бога! Но вы все погибли прежде времени, полные сил и молодости, покинув меня одиноким среди множества опасностей!..

Он замолк, но его губы шевелились как бы в тихой молитве. Потом он заговорил опять с еще более пылким выражением:

– Все погибли в такое короткое время: Фротте, Шаретт – от французских пуль; Пишегрю – кто знает как: самоубийцей или убитым? Кадудаль – обезглавленный на проклятом эшафоте, как мой отец, моя мать, как все мои родные!

Его голос дрогнул от рыданий...

Рене слушала его, прислонившись к стене, бессильно опустив руки...

– Кто заменит мне вас, мои дорогие союзники, мои храбрые воины? Погибли, мертвы все верные хранители погибшей королевской власти! Остается только в отчаянии последовать вашему геройскому примеру.

– Ваше высочество! – воскликнула Рене, простирая руки к принцу.

Он вздрогнул. Если он рисовался своими словами, то только перед собой самим.

– Ах да!.. Ты тут, малютка, ты тут... Что же, послушай мои сожаления о погибших друзьях. Прими в них участие и ты, еще живущая, чтобы служить мне всем своим преданным сердечком, милая подруга прошлых дней!

Рене рыдала, закрыв руками лицо.

Долго еще говорил принц, все в таком же печальном роде. Наконец девушка ушла, оставив его одного в потайном убежище, скрытом от всего мира. Тщательно закрыв дверь, Рене спустилась вниз, дрожа от волнения.

Взглянув на нее, Боран встревожился:

– Что с тобой? Ты так взволнована, ты плакала?

– Вы сами заплакали бы, как я, – горячо ответила Рене, больше чем когда-нибудь увлекаясь своей привязанностью к принцу, – если бы слышали, как он вспоминал о своих умерших друзьях, обещая им свое вечное воспоминание, как он говорил обо всех нас, его приверженцах... Да, отец, вы заплакали бы сами от умиления и жалости!

– У него великое сердце! – пробормотал тронутый Боран.

Даже Блезе и его жена казались растроганными.

Целый час шел неиссякаемый разговор о счастье вновь видеть принца, о его красоте, доброте, уме и красноречии; все пророчили ему блестящее будущее. Только когда на башне соседней церкви пробило одиннадцать часов, разошлись на ночлег обитатели домика Борана, но не скоро еще им удалось заснуть, так как они были взволнованы событием дня.

Рене, погруженная в глубокую задумчивость, лежала на своей узкой девичьей кровати, в своей простенькой, почти бедной комнатке, все украшение которой заключалось в легкой этажерке розового дерева, уставленный кое-какими безделушками, оставшимися ей от молодой, рано умершей матери.

Какую безграничную радость испытала она, увидев перед собой царственного товарища своих детских лет, так сильно любимого, дорогого принца! Исполнилось то, что еще вчера было для нее заветнейшей мечтой всей жизни.

Но почему это огромное счастье так глубоко смутило ее? Она не хотела или не могла ответить на этот самой ей неясный вопрос. Да, этот неожиданно явившийся желанный гость, уже не был ребенком. Это был молодой человек, настолько красивый, что, даже помимо его

королевского происхождения, такая наружность не могла остаться незамеченной. Теперь прежнее дружеское чувство Рене к Шарлю, чувство сестры, приняло иной, более сложный характер. Когда он обнял ее, как бывало, со всей нежностью брата, она, сама не понимая почему, почувствовала какое-то смутное, непонятное волнение, полное незнакомого до тех пор блаженства, но вместе с тем и страдание. Она еще не сознала, что от неустанных дум о своем отсутствующем герое, в этом возрасте, когда сердце бьется сильнее юношеской, жаркой кровью, ее тихая привязанность незаметно перешла в более пылкое чувство – пламенной любви.

Пока «господин де Гранлис» не появлялся на сцене, Рене обожала его издали; ее любовь дремала, оставаясь лишь смутной мечтой; но первое свидание, первый поцелуй пробудили ее к жизни; платоническое чувство приняло иной характер. В объятиях своего божества проснулась женщина.

Но он и она! Какое безумие!

Не сознавая еще вполне ни своего чувства, ни его последствий, бедная Рене, томимая бессонницей, старалась каким-нибудь понятным образом объяснить себе это чувство, равно как и смутное сознание какого-то невольного проступка, в котором ее укоряла совесть.

Тянулся час за часом, но она все не могла сомкнуть глаз.

Хозяин дома, сам Боран, тоже не спал, сидя на своей большой кровати, волнуемый в свою очередь иными тревогами и беспокойством. Его взгляд рассеянно блуждал по загроможденной разным хламом комнате. Он беспокойно прислушивался к каждому звуку на улице, в особенности в переулке, к вою ветра в трубе, к неверным шагам пьяницы прохожего, громко разговаривавшего с самим собой в ночной тиши. Он бледнел и нервно вздрагивал при каждом раздававшемся звуке.

Однако было уже не в первый раз, что он давал под своей кровлей приют беглецам. Не раз и прежде Кадудаль или Пишегрю, Шаретт или Фротте, Бруслар и много-много других занимали чулан на чердаке, но, несмотря на их присутствие, часовщик спокойно спал.

В те времена он рисковал в такой игре своей головой, но тогда все как-то привыкли к ужасам; никто не дорожил своей жизнью, охотно жертвуя ее заранее. Боран, как и все тогда, считал позорным спокойно стариться.

Он вспоминал теперь, как приютил у себя королевского ребенка, этого самого принца, за которого дрожал в настоящее время. Тогда принц был еще слишком мал, чтобы подвергаться непосредственным опасностям, немедленной казни, как герцог Энгиенский.

При этом воспоминании Боран почувствовал, как холодный пот выступил под синим фуляром, служившим ему ночным колпаком... Он не мог отогнать от себя это видение...

Неожиданный плен, Венсенская башня, заранее готовый военный суд, безжалостный приговор и в темных рвах крепости, под столбом, на котором качался фонарь, двенадцать ружей, направленных в обнаженную белую грудь...

Видение было так живо, что у него пересохло во рту,хватило дыхание... Борану показалось в эту минуту, что на улице раздались мерные шаги военного отряда.

IV

А в это же самое время в тайнике, лежа на двух толстых матрасах, полуодетый на случай тревоги, принц набрасывал золотым карандашом неровные строки при свете низкой лампы под зеленым картонным абажуром, на котором с одной стороны был изображен император Наполеон, с другой – императрица Жозефина.

Время от времени он громко вздыхал, поднимая взор к небу, то есть к отверстию черепичной кровли.

Наконец он прочел вслух написанное стихотворение:

О ты, чья красота прекрасней всех видений,
Ты вся – любви мечта, царица наслаждений!
Чтобы тебя любить, безмолвно обожая,
Готов я все забыть, что пережил, страдая.

Два или три раза он повторил эти слова, упиваясь ими, и снова призывал на помощь вдохновение, но – увы! – оно не появлялось. Тогда принц, откинув голову на подушку, погрузился в мечты, вызывая в душе образ богини, которой посвящал свое произведение.

Он припоминал тот день, когда впервые встретил эту очаровательную, прекрасную молодую женщину, которой поклонялась вся Европа, признавая ее богиней красоты.

Это было на Аппиевой дороге, близ Рима. Она медленно проезжала мимо в великолепном экипаже, запряженном чудными лошадьми, и улыбалась приветствовавшей ее красоту восторженной толпе. Она была одета в платье из блестящей, вышитой золотом и серебром ткани и в длинное манто лилового атласа, открытое и без рукавов; но ее шею окружал лебяжий пух, потому что начиналась уже осень и погода была свежа.

Несмотря на холод, ее руки были покрыты только газом, грудь полуобнажена, на ногах были только шелковые чулки и ажурные туфельки, как того требовала тогдашняя мода. На красивой головке был лиловый же бархатный ток с двумя белоснежными перьями. На изящной шее красовался крест византийского золота, окаймленный роскошными бриллиантами, на цепочке из дорогих жемчужин.

Она проезжала, небрежная, торжествующая, сводя людей с ума одним своим присутствием. По общему приговору, она была прекраснейшей из всех красавиц того времени, всех Фрин, Венер и Сафо Франции вроде Тальен, Кастеле, Рекамье.

И он, несчастный изгнанник, беглец, не имеющий родины, затерянный в пестрой толпе, почувствовал, как его сердце рванулось к этой незнакомой ему красавице. Он спрашивал себя, кто она, это небесное видение, спустившееся на землю? Один из восторженных зрителей около него дал ему ответ на этот вопрос.

– Это принцесса Полина Боргезе, сестра императора, несравненная царица красоты...

Принц не стал слушать дальше.

Полина Боргезе, сестра Наполеона, его враг, существо, которое он должен был ненавидеть всеми силами души! Так говорил ему рассудок, но горячее сердце рассуждало иначе: он может любить только ее одну на свете; он навек сохранит в душе ее обожаемый образ; он покорен, очарован, прикован на всю жизнь к этой сестре своего злейшего врага – Бонапарта!

С тех пор прошло шесть месяцев, но сердце изгнанника осталось неизменным.

В тот день, сам не зная зачем, он как безумный следовал за экипажем своей волшебницы; видел, как она вошла во дворец Боргезе, и с тех пор проводил дни и ночи вблизи ее роскошного жилища.

Он изучил порядки дома и ко времени ее прогулки всегда был тут; он – наследник благороднейшего рода, наследник королевской семьи – обнажал голову и низко склонялся перед этой корсиканкой, принимавшей участие в деяниях своего брата-узурпатора.

Она должна была невольно заметить его, его высокий рост и гордую осанку. Наконец она улыбнулась ему. Капризная и своевольная, вся под властью минутных впечатлений, Полина не могла пренебречь этим безмолвным, упорным поклонением.

В тот же день, со всей смелостью своего возраста и характера, принц явился к ней, во дворец Боргезе, решившись открыть ей свое чувство, готовый пожертвовать даже жизнью, лишь бы не остаться для нее простым прохожим, покорить ее в свою очередь, ничем не пренебрегая, чтобы добиться победы.

Она приняла его из любопытства, под его ложным именем, и дерзко спросила, какой милости он ждет от нее.

Он мог теперь видеть вблизи это дивное создание, это физическое совершенство и в то же время самую испорченную, самую эксцентричную из женщин того времени. Полина Боргезе исполняла все свои минутные капризы, была способна на какую угодно выходку под влиянием своей фантазии. Она позировала обнаженная перед знаменитым скульптором Кановой, чем вызвала восторг художника и его славу, как и вечное восхищение потомства. Она обожала сама себя, не зная пределов своим самым сумасбродным фантазиям и желаниям. Она носила прозвище, которым чрезвычайно гордилась, – за ее кокетливость и изящество ее прозвали «царицей моды».

В двадцать два года Полина Бонапарт овдовела после смерти своего мужа, генерала Леклерка, а на двадцать третьем снова вышла замуж за блестящего Камилла Боргезе. Она не любила своего второго мужа, как и первого, но вышла за него ради титула принцессы, а главное, ради прельщавших ее бриллиантов громадной стоимости.

Такова была эта женщина, которую в детстве Наполеон называл Полеттой.

Добившись приема, потерявший голову Гранлис, указывая на окружающих ее фрейлин, молча подал принцессе открытое письмо, где он говорил о своем действительном звании и отдавался всецело в ее власть. Письмо кончалось следующими строками:

«Я прошу у вас одного: если вы не дадите мне никакой надежды, то передайте меня моему брату, и дело будет кончено. Это мое единственное желание».

Читая это послание, принцесса покраснела и ее рука дрогнула. Она подняла взор на стоявшего перед ней молодого человека, ожидавшего своего приговора, пристально всматриваясь в его лицо.

Кто это? Сумасшедший, искатель приключений или действительно тот, за кого он себя выдает? Казалось, он был слишком молод, чтобы так нагло лгать, и, несмотря на свое очевидное волнение, нисколько не походил на сумасшедшего. Его осанка, его изящное платье говорили за него... Значит...

Приключение становилось занимательным.

Оправившись от мимолетного волнения, принцесса взяла карандаш, набросала несколько строк на поданном письме и, отдав его обратно Гранлису, отпустила его любезным жестом.

Он молча поклонился и вышел из комнаты, не будучи в состоянии произнести ни одного слова.

– Ну, этот не болтлив! – заметил кто-то из присутствующих.

– «Этот»? – с негодованием воскликнула Полина, вспомнив о происхождении де Гранлиса, более знатном, чем чье бы то ни было, не исключая ее собственного.

Этим было сказано все: она уже защищала его.

Выйдя на улицу, Гранлис нетерпеливо развернул письмо. Там было написано следующее:

«Я не выдам вас брату. Дайте возможность видеть вас. Я посмотрю и обдумаю... Немедленно уничтожьте письмо».

Гранлис пришел в восторг; она не гнала его, позволяла себя видеть, значит, она поверила ему! Голова у него кружилась от счастья. Ведь ему было только двадцать лет!

Как они увидятся снова, где и когда – он не мог себе представить. От Полины Бонапарт можно было ожидать всего, смелостью и дерзостью она не уступала своему брату. Но ей нельзя было покорять себе царства, и она довольствовалась тем, что ночью, переодетая мальчиком, бегала по улицам, посещая кабачки итальянских портов, смешиваясь с толпой пьяных матросов, чокаясь с ними своим стаканом, распевая их циничные песни. Основываясь на этом,

Гранлис был уверен, что она сумеет найти выход, обладая умом, способным на все хитрости, на самые сложные, запутанные интриги. Конечно, она устроит встречу, здесь или там, днем или ночью.

Так оно и было: они виделись наедине то тут, то там.

Гранлис рассеял ее последние сомнения, доставил ей доказательства, убедил ее вполне тем легче, что она заинтересовалась им лично, его наружностью и изяществом породы, унаследованным им от своей матери. Как мужчина, он нравился ей так, как не нравился еще никто до сих пор. Кроме того, ее занимал их маленький заговор, их тайна.

Однажды вечером она в серьезном разговоре, призывая его к смелости, открыла Гранлису путь к блестящему будущему. Она сказала ему:

– Вы готовы на все, чтобы быть любимым мною... Вы предлагаете мне в доказательство этого отказаться от своих законных прав, от требования обратно родительского трона... Совершенно напрасно, дитя мое, я хочу совсем не этого. Слушайте меня внимательно! С вами говорит сестра Наполеона. Я не глупа и искренняя, я долго размышляла. Я хочу, чтобы вы сами вернули себе утраченное наследство, своими собственными руками. Теперь время людей энергичных, с сильной волей. вспомните слова Вольтера: «Императором сделался счастливый солдат»... так вот: поступите в императорское войско, оставшись французом и теперь.

Гранлис широко открыл глаза: эти слова превосходили все его ожидания и предположения.

Между тем Полина продолжала, не обращая внимания на его удивление:

– Станьте солдатом, заслуживайте чины под начальством моего брата. Сделайте то, что делали другие: Бонапарт, Гош, Марсо; в двадцать пять лет будьте генералом, а в тридцать станьте маршалом, но, подымаясь благодаря своим собственным силам по ступеням общественной лестницы, продолжайте хранить тайну своего происхождения. Придет день, когда настанет время открыть ее. Это будет тогда, когда покрытый славой Наполеон признает в вас бесстрашного вождя, смелого, как Ланн, пылкого, как Мюрат... Тогда моя мечта может превратиться в действительность. Наполеон, не имеющий потомков, может подумать о вас, законном наследнике короны, может усыновить вас, соединив прошлое с настоящим, сделать вас королем, даже императором, после себя... Сейчас вы удивились моему предложению служить во французской армии, а между тем эти полки – ваше законное убежище, их форма – для вас лучшая защита: не среди гренадеров Франции будут искать вас наемные убийцы ваших дядюшек! Понимаете ли вы это?

Гранлис размышлял. Она продолжала:

– Обстоятельства благоприятствуют этому плану. Я знаю, что император хочет образовать два полка под начальством Изембурга и Тур д'Оверна, исключительно из дворян. Достаньте от этой бездетной креолки Жозефины патент капитана в одном из ее полков и следуйте за своей звездой!

– Моя звезда – вы, – пробормотал Гранлис как в бреду, смущенный потоком смутных, противоречивых мыслей, нахлынувших в его встревоженную голову.

– А я через месяц отправлюсь в Париж, – весело улыбнулась Полина, – подышать придворным воздухом и проветрить свои бриллианты...

– Я поеду за вами!

– С условием во всем повиноваться мне?

– Все что хотите!

В награду Полина протянула ему для поцелуя кончики своих розовых пальцев. Он был без ума от этой женщины, покорявшей все сердца.

Подбивая принца на это опасное предприятие, Полина Боргезе следовала своей врожденной склонности к эксцентричным выходкам и к разным заговорам. Вся семья Бонапарта интриговала против своего главы, которому завидовала, против Жозефины, которую ненави-

дела; враждовавшие между собой братья и сестры соединились против Наполеона, все изменили ему в последний час, кроме Полины, которая осталась верна низверженному орлу.

Однако это не мешало ей во время его славы вести против него пылкие интриги, вроде последнего приключения с влюбленным принцем, таким образом была решена его судьба.

Когда он сообщил об этом некоторым из своих приверженцев, они сочли его сумасшедшим, что было почти правдой. Тем не менее они решились следовать за ним повсюду и защитить его в случае надобности собственным телом.

Обо всем этом размышлял теперь принц, находясь в тайнике дома Борана. Мало-помалу его мысли смешались, голова склонилась на подушку, и он заснул, шепотом повторяя заветное имя:

– Полина! Полетта!..

Вдруг он вздрогнул, открыл глаза: ему показалось, что дом полон каких-то звуков, шума...

Когда Борану послышались на улице шаги солдатского отряда, он не ошибся: этот шум приближался и замолк перед дверью его дома. Часовщик поспешно вскочил с кровати и начал одеваться, тихо позвав сквозь полуоткрытую дверь: «Рене!»

Она прибежала сейчас же, разбуженная и встревоженная тем же шумом, похожим на то, как будто солдаты окружали дом.

– Отец, отец! – вскрикнула она, ломая руки. – Он погиб, погиб!

– Нет, – старался успокоить ее Боран, – тайник надежен...

В эту минуту раздались громкие голоса Блезе и Жанны, спавших в лавке:

– Кто там?

– Погодите! Мы встретим вас как следует, каналы!

– Пробуют открыть дверь, отомкнуть замок... Однако это не воры – те отрядами не ходят... Пойдем туда! – сказал Боран.

Они спустились в ту минуту, когда Блезе старался защитить толстой палкой подававшуюся дверь. Жанна звала на помощь.

Муж был обезоружен в одно мгновение, а жене чья-то грубая рука зажала рот.

Вошло человек пять-шесть. За ними извне тихо закрыли дверь.

– Молчать, если дорожите жизнью! – приказал повелительный голос. – Именем закона!

Говоривший начальник отряда был человеком грубого вида, в котором под городским платьем легко было узнать военного.

Около него стоял тщедушный человек низкого роста, небрежно завернувшийся в широкий поношенный плащ.

– Кантекор, вели дать побольше света, – сказал он.

– Сейчас, ваше превосходительство! – ответил знакомый нам уже Кантекор, оборачиваясь к Борану.

При тусклом свете поставленной на прилавок лампы можно было разглядеть присутствующих; к тому же Кантекор уже несколько ознакомился с ними раньше.

– Господин Боран, вы слышите? Дайте свечей, лампу!.. Главное – как можно меньше шума, ради вашей же пользы... Не надо скандала, все обойдется тихо. Пусть никто не пробует бежать, – добавил он, – улица оцеплена. Нас много, и сопротивление не имеет смысла. – Он вынул из кармана пару пистолетов и внушительно объявил: – У каждого из моих людей имеются такие же.

Бледные и безмолвные, Боран и Рене вставили свечи в жестяные подсвечники и зажгли их дрожащими руками. Блезе и Жанна последовали их примеру, и лавка ярко осветилась.

– Спрашивай, Кантекор, – приказал дурно одетый «генерал», придвинув себе стул и опустившись на него, надвинув шляпу на глаза и стараясь скрыть подбородок в складках своего галстука.

Но Боран узнал его, несмотря на его старания, и, вздрогнув, шепнул дочери:

– Сам Фуше!

Рене прислонилась к стене, чтобы не упасть. Кантекор спокойно рассмотрел одного за другим обитателей дома и потом сказал, качая головой:

– Ваши лица не доказывают спокойствия совести; думаю, что нет надобности объяснять вам цель нашего прихода. Самое лучшее для вас – покориться силе... Господин Боран, выдайте нам своего гостя, и тогда мы с ним поговорим.

Собравшись с духом, почерпнув мужество в своей преданности принцу, Боран ответил громким, спокойным голосом:

– Наши лица – лица мирных людей, оторванных от сна насилием, и наше волнение очень естественно. Что касается какого-то гостя, то я не понимаю, о чем вы говорите.

Фуше и Кантекор обменялись быстрым взглядом, как бы говорившим: «Ты ошибся? Не так ли?» – «Не беспокойтесь, я уверен в том, что знаю». Недаром же следил Кантекор за своей добычей, от самой границы следуя за ней по пятам.

– Я мирный часовой мастер, – продолжал Боран, – меня двадцать лет знают в этом квартале, где я живу честно; это известно всем. Если вы представители закона, то должны покровительствовать честным людям, а не тревожить их по ночам без всякой причины...

– Эта песня знакома мне, – перебил его Кантекор, – никто не способен на искреннее сознание. Таким образом вы вынуждаете нас к насилию, к обыску? Тем хуже для вас, но результат будет тот же самый.

Рене поспешила на помощь отцу:

– Господа, если вы действуете по какому-нибудь доносу, то над вами просто посмеялись; наш домик слишком мал, чтобы скрывать тайну, а мой отец – мирный гражданин, вовсе не занимающийся политикой; это всем известно.

– Молодая девица, – послышался скрипучий голос Фуше, – кто сказал вам, что дело идет о политике?

Рене покраснела и опустила голову, поняв, что сказала лишнее.

– Молодая девица, – повторил Кантекор, – это вы смеетесь над нами. Это простительно в вашем возрасте, да и ваша красота заслуживает снисхождения... Однако будет болтать! Время для нас дорого... Укажите нам дорогу... Ты, толстуха, – обратился он к Жанне, – бери лампу и посвети нам.

– Толстуха! – проворчала обиженная жена Блезю. – А ведь я не называла тебя верзилой, невежа!

Кантекор не удостоил ее ответом. Он сделал знак четверем своим помощникам, и обыск начался. За Кантекором и его людьми следовал насторожившейся Фуше, за ним старавшийся казаться спокойным Боран, потом терявшая голову Рене, за ней ошалевший от страха Блезю.

Перерыли все в лавке, в кухне, в столовой; осмотрели полы, стены – нигде ничего...

– Поднимемся, – сказал Фуше, – птицы гнездятся наверху.

Он шутил, будучи в отличном настроении, так как очень любил такие ночные приключения, такую охоту за людьми; это было его призванием. На этот раз преследование имело особый интерес. Поэтому-то он отправился сам, презирая могущую представлять опасность.

Весь отряд гуськом потянулся по лестнице; под тяжелыми шагами скрипели ступени. По прибытии на первый этаж поиски возобновились.

В комнатах Борана и Рене переставили всю мебель, отодвинули от стен кровати, обыскали сверху донизу открытые шкафы и опять не нашли ровно ничего.

– Выше, выше, говорю вам! – нетерпеливо крикнул Фуше. – Я чую дичь, чувствую ее...

На чердаке он остановился и потянул воздух, бормоча:

– Внимание! Внимание!

По четырем углам большого чердака были поставлены четыре свечи. Кантекор взял лампу из рук Жанны и внимательно осмотрел стены.

Фуше продолжал говорить вслух, поучая одних и пугая других:

– Здесь что-то слишком пусто, точно хотят дать понять: «Здесь ничего нет, видите, ровно ничего!» Вот потому-то тут что-нибудь непременно есть. Осмотрите каждую щель, каждый гвоздь, каждую ямочку, в особенности со стороны проулка: там в фасаде дома заметна какая-то выпуклость.

Слыша это, Боран чувствовал, что у него от страха подгибались ноги, а Рене крепко сжимала челюсти, чтобы не стучали зубы.

Тщательно, медленно, доска за доской, исследовали Кантекор и его люди шероховатые стены. Время шло; они ничего не могли найти.

Фуше топал ногой. Он сам пустился по горячим следам и не допускал ошибки, а между тем...

Он следил за Рене, надеясь судить об успехе поисков по выражению тревоги на ее девичьем лице. Но она опустила голову под этим пытливым взглядом и отошла в тень, посеяв сомнение в голове начальника полиции.

Ищейки начали терять терпение, бесплодно осмотрев тысячи шероховатостей, трещин, старых следов от гвоздей, запуская железные прутья в каждое сколько-нибудь подозрительное отверстие. Все было напрасно.

– Если тут есть тайник, – пробурчал начавший сомневаться Кантекор, – то он уж слишком хорошо скрыт!

Фуше рассердился:

– Стоило обещать мне королевскую добычу, заставить меня провести бессонную ночь, чтобы прийти сюда! И все это напрасно! Дело плохо, милейший!

Лицо Кантекора вытянулось; он заметно повесил нос, чувствуя немилость начальника: он знал, что тот не прощает неудач и предпочитает иметь дело хотя и с мошенниками, но знающими свое дело. Для успокоения совести он запустил еще раз свое железное лезвие в трещину стены, хотя и не надеялся уже на успех.

Фуше остановил его:

– Кончайте! Не сидеть же нам тут до утра!

Ему пришла в голову одна идея, которая должна была удалась.

Он позвал к себе ближе Борана и Рене и, стоя посреди пустынного чердака, заговорил умышленно громким, ясным голосом:

– Я знаю, что вы скрываете здесь лицо, которому запрещено пребывание во Франции. Я не говорю, что это лицо имеет какие-либо дурные цели, но моя обязанность разыскать и остановить его. Так как наши поиски бесполезны и вы отпираетесь, не хотите признаться, то этот дом будет завтра же разрушен дотла, а вы, Боран, и вы, сударыня, – он повысил голос, обращаясь к Рене, – будете отправлены в Консьержери; тишина и уединение тюрьмы будут полезны вам. Если ваше пребывание там продолжится на долгие годы, то вина будет ваша: вы этого сами желаете.

Когда он кончил говорить, в стене, исследованной уже сто раз, бесшумно открылась настежь потайная дверь, и на ее пороге показался Гранлис. Все невольно вскрикнули и попятнулись.

Молодой человек подошел спокойно и величественно, с надменно предупредительным видом и обратился к Фуше:

– Довольно! Вы ищете меня? Я здесь!

Как верно рассчитал министр полиции, принц не мог допустить гибель своих верных слуг и не вмешаться для их спасения: для этого он был слишком великодушен.

Фуше никогда не отличался особенной вежливостью, но при этом трогательном появлении даже он склонился и приподнял шляпу.

– Эти люди приняли меня, не зная, кто я, – продолжал Гранлис, – если кто-нибудь виноват, то лишь я один. Располагайте мной, я покорюсь силе еще раз!

– Мне надо допросить вас. Будете вы отвечать? – обратился к нему Фуше.

– Может быть; смотря по вопросам.

– Хорошо! – согласился Фуше и тихо отдал какое-то приказание Кантекору, а тот, сияя от радости, передал его подчиненным.

Немедленно принесли снизу два стула и небольшой стол.

– Пусть выйдут отсюда все, кроме Борана, его дочери и вас, Кантекор. Нам лучше говорить здесь без свидетелей, – распорядился Фуше.

Чердак опустел, двери заперли.

Фуше, указав Гранлису на стул, предложил:

– Потрудитесь сесть, сударь!

Принц машинально повиновался.

Фуше также сел перед столом, медленно вынул из кармана бумаги и серебряный карандаш и приказал:

– Кантекор, лампу сюда! Так, хорошо.

При бледном свете лампы можно было видеть этого тщедушного рыжего человека, царевубийцу и террориста, во всем его безобразии.

В сорок два года он казался почти стариком. Его бледное, бескровное лицо с бегающими, лукавыми глазами выдавало натуру изменную, бесстрастную, без всяких принципов и без предрассудков. Говорил он глухим, однообразным голосом.

– Вы видите, я удалил своих людей, они находятся на лестнице или в нижнем этаже, – начал он, – я не нахожу нужным, чтобы они слышали нас. Теперь приступим к делу. Если у вас есть оружие, потрудитесь отдать его мне.

– У меня нет оружия, – сказал Гранлис.

– Ваши бумаги?

– У меня их нет при себе.

– Честное слово дворянина?

– Я даю вам его.

– Хорошо, я верю вам.

– А это? – лукаво спросил Кантекор, выходя из тайника, куда он проскользнул за спиной принца, и держа в руке листок бумаги, на котором были набросаны стихи в честь возлюбленной Полины.

Принц вырвал листок из его рук и разорвал его на мелкие кусочки.

– Что это такое? – строго спросил Фуше.

– Просто стихи, ваше превосходительство, самые невинные, в честь красавицы. Клянусь вам...

Фуше спрятал лицо в свой галстук с довольным видом; он любил подмечать мелкие слабости великих людей. После некоторого молчания он резко спросил:

– Ваше имя?

После мгновенного колебания принц, успокоительно улыбнувшись Рене и Борану, твердо произнес:

– Шарль Луи де Гранлис.

– Вы в этом уверены? – лукаво спросил министр. – Хорошо! Будем продолжать. Вы, как вам известно, изгнаны из Франции, а между тем вы здесь.

– Это правда, но многие эмигранты вернулись со мной; мы думали, что время стало спокойнее.

– Тогда почему же вы скрываетесь?

Принц покраснел и, порывисто встав с места, воскликнул:

– Прежде всего, кто вы такой, чтобы допрашивать меня? По какому праву? По какому поводу? Вы поймали меня – отлично, но не злоупотребляйте этим! Я приехал во Францию, я – понимаете? – я сам, чтобы поступить на службу в императорскую армию, без всякой задней мысли, единственно с целью служить своей стране, все равно при каком правлении, желая приобрести себе славу независимо от каких бы то ни было имен. Вот и все! Если во времена империи это – преступление, тем хуже для императора!

– Господин Гранлис, – спокойно ответил Фуше, молча выслушавший принца с ледяным выражением бесстрастного лица, – я отвечу по порядку на ваши вопросы. Кто я, какое мое звание и права? Я – Жозеф Фуше, министр императорской полиции.

– Вы! Вы! – содрогнулся принц.

Фуше подумал, понял и улыбнулся почти зловещей улыбкой:

– Да, я понимаю вас... Тяжелые воспоминания... Но оставим их. Вы приехали во Францию служить в императорской армии? Как рассчитываете вы достичь этой цели под вымышленным именем?

– Я надеюсь на покровительство при дворе, помогавшее мне и раньше.

Фуше вновь улыбнулся.

– Императрица... – проговорил он. – Да-да... Все это очень странно... Ведь у вас есть другая протекция... в Италии, в Риме!..

Гранлис побледнел; полиция уже проникла в его заветную тайну! Пользуясь его смущением, Фуше холодно произнес:

– Вы неосторожны! Пример герцога Энгиенского должен был бы остановить вас на пути.

Принц гордо вытянулся при этом роковом намеке и сказал:

– Если вы хотите прийти к тому же, то действуйте скорее!

При этих словах Боран и Рене бросились к нему и с плачем хотели защитить его своим телом.

– Никто не думает об этом, – сказал Фуше в раздумье, – никто, уверяю вас.

В первый раз в своей жизни бывший царевич был в затруднении. Целый рой противоречивых соображений нахлынул на него.

Он говорил себе, что дать возможность Жозефине тайно покровительствовать этому рожденному врагу императора – значит держать ее в своих руках так же, как и Полину Боргезе. Он соображал, что, владея такой важной государственной тайной, он увеличит еще более свое и так громадное могущество; что, служа в императорской армии, принц будет больше, чем где-нибудь, под его наблюдением и в его власти, что, может быть, впоследствии будет выгодно предать его дядюшкам.

Наконец Фуше думал, что можно пощадить молодость принца, не нанося ущерба императору, и приобрести, таким образом, его признательность, что будет нелишней предосторожностью: ведь времена и обстоятельства могли измениться... Он часто видел такие примеры на своем веку!

А если узнает обо всем император?.. Всегда можно будет прибегнуть к внезапному аресту, сделав вид, что то была просто хитрость с его стороны... Конечно, разумеется...

Медленным, благосклонным жестом Фуше успокоил общее волнение и заговорил примирающим тоном:

– Господин Гранлис! Дайте мне честное слово первого во Франции дворянина, что вы сказали мне истинную правду, что вы не замышляете ничего против императора и империи, и я закрою глаза и отпущу вас на свободу. Если удастся, вы поступите в армию, если же нет – снова покинете Францию. Но знайте, что там или тут, но я всегда буду следить за вами: от

меня ничто не скроется. К тому же наш договор основывается на взаимном доверии. Теперь отвечайте: желаете вы подчиниться ему?

Гранлис молча размышлял. Боран и Рене смотрели на него умоляющим взглядом, вдали, под небом Рима, мелькал образ обожаемой Полины, для которой он готов был пожертвовать всем... Он глубоко вздохнул и произнес:

– Господин Фуше, я даю вам свое слово первого дворянина, что сказал истинную правду; что ничего не буду злоумышлять против императора и империи, что или поступлю во французскую армию, или снова уеду из Франции в изгнание. Я принимаю ваши условия... Я вынужден сделать это. Скрываться я больше не буду, но и вы, надеюсь, не будете ничего предпринимать против меня?

– В свою очередь я обещаю это, – сказал Фуше, не смея сослаться на свое честное слово. – Надеюсь, что если впоследствии вы вспомните этот вечер, то вспомните его добром... – Затем, обращаясь к часовщику, он строго сказал ему: – Гиацинт Боран, пусть этот урок послужит вам на пользу... Завтра же тайник должен быть уничтожен, и никогда больше никакой подозрительный человек не постучит у вашего порога, ища приема. Если вы преступите это приказание, то помните, кто от этого пострадает...

Боран поднял руку, готовясь дать торжественную клятву, но Фуше раскланялся с принцем и пошел к выходу. За ним последовал смущенный, ничего не понимавший Кантекор.

На улице, прежде чем сесть в карету, Фуше сказал Канте-кору:

– Если ты не хочешь погибнуть самым жалким образом, забудь этот вечер навсегда. Ты ничего не видел, не слышал, ничего не знаешь... Но с этого дня я поручаю тебе этого молодого человека, я предоставляю его тебе. Ты должен знать всегда, во всякую минуту, где он, что он думает, что делает... При таких условиях твоя карьера будет упрочена навсегда.

Кантекор рассыпался в благодарностях, однако, когда карета министра полиции скрылась из глаз, он долго задумчиво стоял на месте.

В лавке часовщика подданные окружили своего принца, поздравляя его с таким неожиданным благоприятным исходом. Но он был в страшном негодовании и весь дрожал от ярости:

– Я должен был уступить этому человеку, этому негодяю, этому убийце! И я сделал это ради вас, ради других... О, конечно, не ради себя! Негодяй, негодяй отъявленный, который и теперь изменяет своему господину, не выдавая меня ему! – Но вдруг его лицо вспыхнуло ярким румянцем, и он воскликнул: – Друзья мои, нам надо не плакать, а радоваться. Ведь поведение этой ищейки, которой все известно, является блестящим доказательством того, что наши надежды исполнятся в будущем! Значит, не мы одни предвидим, как пышно расцветут снова лилии родной Франции!

V

По просьбе знатных жителей Компьена, завидовавших Рамбулье, где в Сен-Клу и Мальмезоне была постоянная резиденция императорского семейства, Наполеон отправил в середине июля Жозефину и Гортензию провести две недели в этом городе, обещая скоро приехать туда и сам.

Однако Компьенский замок был в очень плохом состоянии, так что императрица и двор едва устроились там. Придворные интриги последовали туда за ними, усиленные в это время последней затеей Наполеона.

Он давно уже искал возможности использовать большое количество бывших эмигрантов и молодых дворян, желающих служить правительству, но не в качестве обыкновенных, простых солдат. Для этой цели Наполеон приказал выбрать между пленниками Аустерлица шесть тысяч лучших людей, из которых образовал два полка на жалованье Франции.

В этих новых полках Наполеон раздавал звание офицеров по своему собственному желанию. Не было необходимости служить долго, чтобы приобрести эполеты офицера даже высшего ранга. Достаточно было иметь хорошее происхождение, принадлежать к знатной семье и выказывать усердие к службе.

Конечно, такие производства не соответствовали установленным правилам, но зато дали возможность Наполеону приблизить к себе около сотни молодых людей, хорошо воспитанных, образованных и богатых, вырвав их из опасной праздности и атмосферы заговоров, царившей в Париже.

Эти полки скоро получили названия по имени своих начальников, графа Тур д'Оверна и немецкого принца Изембурга. Дальнейшие назначения подали повод к всевозможным ожиданиям и интригам: каждый имел своего кандидата или желал получить назначение сам. Во время пребывания двора в Компьене все эти искания удвоились. Они обращались по преимуществу к Жозефине как аристократке в душе, не скрывавшей своей симпатии к «золотой молодежи». Здесь, на даче, императрица была свободнее, доступнее, чем в Тюильри, и этим пользовались ради своих происков.

Все окрестные замки, число которых было значительно, все гостиницы, в особенности «Золотой колокол», были переполнены желающими поступить на службу; будучи в некотором подозрении, они влекли за собой без своего ведома целую категорию лиц иного сорта: полицейских и шпионов различных партий и национальностей. У Наполеона были свои агенты, у Талейрана – свои, у Фуше, Савари, Демара, Дюбуа – свои. Все они шпионили друг за другом. Комитет безопасности завидовал министерству или префектуре, и наоборот.

Граф Прованский и граф д'Артуа³ держали своих агентов в Париже, французских и иностранных.

Все державы Европы: Англия, Россия, Австрия, Пруссия, имели свои собственные осведомительные бюро близ Тюильри.

Сыщики проникали повсюду; они окружали Жозефину, находясь даже среди ее придворных дам, которым Фуше дорого платил за такие услуги.

Следили за самим императором, за принцами; сыщики соперничали между собой в искусстве, смелости и хитрости. Интриги кипели кругом, и часто вокруг искренней, благородной молодежи всевозможные агенты, переодетые, неузнаваемые, орудовали втихомолку, подстергая и выслеживая друг друга.

В субботнее утро двор Компьенского замка был, по обыкновению, переполнен толпой просителей; они пробрались на первый этаж, на лестницу. Все они были занесены с самого начала в особый список, но императрица, без всякого стеснения, выбирала из списков наудачу имена знакомых, лучше рекомендованных ей людей, а иногда просто понравившуюся ей фамилию. Каждое утро она принимала с дюжину кандидатов, от десяти до двенадцати часов, если только не была занята чем-нибудь другим, или не страдала мигренью. Вообще она охотно играла свою роль благодетельницы. Вся эта пылкая, изящная, изысканная молодежь занимала и увлекала ее. Это был ее мир, она охотно царила в нем, принимая поклонения, просьбы, мольбы со всей томной грацией креолки и обещая каждому исполнение просьбы.

Иногда Наполеон сердился, отказывал сначала, но Жозефина настаивала и в конце концов брала верх, иногда призывая на помощь свою дочь от Богарне, Гортензию, своих фрейлин, и перед таким потоком женских просьбы император уступал.

– Скоро дамы будут назначать моих генералов! – ворчал он иногда.

– А почему бы и нет? – спрашивала какая-нибудь сумасбродная красотка.

– Ах вы, плутовки, плутовки! – смеялся великий человек.

³ Два брата погибшего короля Людовика XVI.

Влияние Жозефины в таких случаях было так велико, что впоследствии это производство офицеров по ее выбору доставило им многозначительное прозвание «кадеты императрицы».

Пока эти «кадеты» прогуливались в ожидании вдоль и поперек широкого двора замка то по одному, то группами. Они странно походили друг на друга, будучи одного круга, одного воспитания, одинакового обхождения. Многие из них были более или менее близкими родственниками. Все они были одеты одинаково, по последней моде: в голубой камзол, жилет с цветами, белые панталоны и полувысокие сапоги. Их возраст колебался между двадцатью и тридцатью годами, и каждый из них желал быть по крайней мере капитаном, считая свою знатность достойной этого. Эти бывшие эмигранты уже снова приобрели свою прежнюю резвость, считая, что делают честь правительству, принимая у него службу, надевая мундир его полка. Они намеренно громко называли друг друга своими громкими титулами:

- А, маркиз!
- Здравствуй, виконт.
- С добрым утром, герцог!
- Привет барону!

И каждый из них отдал бы десять лет жизни, чтобы свергнуть «узурпатора» и, махая белым знаменем, крикнуть: «Да здравствует король!»

Наполеон это прекрасно знал, но он знал также и то, что, зачислив этих аристократов в свое войско, он будет держать их в железной руке, имея возможность уничтожить их в любую минуту.

На ступенях лестницы стояли трое молодых людей самого аристократического вида и тихо разговаривали между собой, внимательно следя за слугами, докладывающими императрице об ожидающих и вызывавшими фамилию следующего за вошедшим лица. Молодой человек, стоявший на верхней ступени, головой выше своих собеседников, блондин лет двадцати с правильным, красивым лицом, ясно выражавшим каждое движение его души, – был уже знакомый нам де Гранлис. Он говорил с двумя смуглыми, худощавыми, но сильными молодыми людьми, по-видимому одного с ним возраста.

– Вы увидите, Прюнге, и вы, Иммармон, что сегодня нас еще не примут. Если так будет продолжаться, то мне придется пробыть недели две в «Золотом колоколе»; хотя там и очень весело, однако...

– Принц, то есть господин де Гранлис, – спохватился, поклонившись, Иммармон, – отчего вы не желаете принять мое предложение? Воспользуйтесь гостеприимством моей матери; замок в двух шагах от города...

- Там могут встретиться опасности.
- Какие? – спросил Прюнге.
- Не более, чем здесь, – возразил Иммармон.
- Гораздо более, – заметил Гранлис, – к тому же я не хочу никого компрометировать. Молодые люди низко поклонились, и Прюнге тихо сказал:

– Вы знаете, что наш долг, наше единственное желание – полнейшая преданность вашему высочеству...

– Я знаю это, – ласково улыбнулся принц, – но у у Иммармона есть мать и сестра... Они еще так недавно вернулись во Францию, что не следует подвергать их опасности нового изгнания... Поучимся ждать. Это – искупление прошлого!

- Слишком уж много этих искуплений! – проворчал сквозь зубы Прюнге.

В эту минуту слуга вызвал:

- Господин Мартенсар! Господин Рантвиньи!
- Мартенсар! – презрительно повторил Иммармон. – Этот плебей! Вот кого предпочитают нам! Вам, ваше...
- Кто же меня знает? – пожал плечами Гранлис.

– Мартенсар, сын архимиллионера, банкира Жозефины, – продолжал Прюнге, – которому она должна огромные суммы. Значит, можно сказать наверное, что этот плебей будет принят.

– Рантвиньи? – спросил Гранлис. – Кто это? Я не знаю.

– Какой-нибудь провинциальный дворянчик, – пояснил Прюнге, – этого имени я не встречал при дворе прежнего времени. Теперь так многое изменилось, так многое забылось...

– Да, но и мое имя... что оно может напомнить прежним обитателям Версаля? – усмехнулся принц. – Людовик, иначе де Гранлис.

– О, слишком многое, – проворчал Иммармон, – оно слишком ясно. Я советовал вам взять другое, попроще, менее иносказательное.

– Не все ли равно? – устало сказал принц. – На все воля Божия.

Снова раздался голос слуги:

– Граф де Тэ, князь де Груа! Граф Новар!

– Вот это настоящие дворяне, – заметил Прюнге, знавший, казалось, все гербы Франции.

– Да, – подтвердил Гранлис, – князя де Груа, графы де Тэ – старинная семья, когда-то самые верные слуги короля. Все изменилось, – прибавил он со вздохом.

– Почему знать? – заметил Иммармон. – А мы сами? Не следует судить по одной наружности.

Прошло с четверть часа.

Постепенно были вызваны маркиз Невантер, д'Орсимон, Микеле де Марш. Каждое имя вызывало у стоявших на ступенях лестницы свои комментарии, в дурную или хорошую сторону.

Наконец слуга произнес своим громким голосом:

– Господин де Гранлис, граф де Прюнге д'Отрем, виконт д'Иммармон!

Гранлис крепко пожал руки своих друзей, причем произнес:

– До свиданья! Моя судьба решается... Если меня не арестуют, приходите через час в «Золотой колокол» пообедать со мной.

– Арестуют? Это почему? – воскликнули те.

Молодой человек, сын Людовика XVI, поднялся на остальные ступени и вошел в галерею.

Его спутники издали медленно следовали за ним.

– Знаешь, кузен, я боюсь, – шепнул один из них.

– Я тоже...

– Что, если он не выдержит своей роли? Он такой нервный! Притом здесь, в этом замке, столько воспоминаний прошлого... Что, если его примут не так, как он ожидает?..

– Подождем!

Они видели, как вошел в апартаменты Жозефины тот, чья участь так беспокоила их.

Императрица принимала посетителей в бывшем салоне Марии-Антуанетты, выходявшем террасой на огромный парк, полулежа на узкой кушетке бледно-зеленого шелка, украшенной орлами. Она была одета в легкую индийскую кисею; ее шея и руки были открыты; легкая жемчужная диадема украшала ее красивую головку. Несмотря на свои сорок три года, Жозефина умела еще казаться молодой благодаря своему искусству одеваться и приятному голосу.

Около нее сидели ее дочь Гортензия, уже месяц считавшаяся королевой Голландии, но не торопившаяся ехать к своему царственному супругу; она казалась младшей сестрой императрицы и уступала ей в красоте.

Вокруг них полукругом расположились придворные дамы, соперничая между собой красотой, роскошью нарядов и знатностью рода.

Между ними выделялась своей молодостью и ослепительной красотой Луиза де Кастеле. Года два тому назад она вышла замуж за драгунского капитана, мало бывавшего в обществе; она обожала мужа, он платил ей взаимностью, но то служба, то игра в карты часто разлучали

молодых супругов. Луизу очень любили при дворе за ее всегда веселый характер, отлично подходивший к роду ее красоты. Великий художник Грез, умерший в старости от нищеты, в самые блестящие дни своей славы избрал эту белокурую красавицу своей моделью из всех отличавшихся красотой придворных дам. Казалось, она разливала свет и радость вокруг себя, сияла очарованием. Самые угрюмые лица прояснялись при виде ее; даже император в минуты гнева не мог устоять против этой ликующей красоты. Луизу прозвали «колдуньей», и она считала это лучшим комплиментом.

Позади этого женского ареопага стояли у дверей несколько дежурных офицеров; там же были камергер и шталмейстер.

Вся эта картина была величественна; царил строжайший этикет. Зал был тоже великолепен; отделанный золотом потолок представлял различные аллегорические работы знаменитых художников; на стенах виднелись портреты еще времен королей; обои изображали мифологические сцены. Огромные окна-двери, открытые на террасу, позволяли видеть обширный парк с зелеными лужайками и белоснежными статуями.

Слуга возгласил на пороге зала:

– Господин де Гранлис!

Принц вошел и потупился, будучи ослеплен яркими солнечными лучами, но затем грустным взглядом окинул все кругом. Медленными шагами направился он к императрице и шага за три от нее поклонился несколько высокомерно, без следа униженности.

Обыкновенно Жозефина протягивала руку входившим, не столько для поцелуя, как для того, чтобы взять представляемые обыкновенно письма. Но у этого красивого молодого человека не было в руках никакой бумаги; он так мало походил на других, казался таким особенным, что императрица удивленно посмотрела на него. Окружающие тоже молча рассматривали вошедшего. Стояло глубокое молчание, точно каждый смутно предчувствовал, что эта сцена – не что иное, как пролог какой-нибудь драмы.

Гранлис стоял перед императрицей неподвижно и безмолвно, как бы ожидая слова поощрения. По крайней мере, она так поняла это, а потому покраснела и с некоторым усилием произнесла:

– Господин де Гранлис, если не ошибаюсь... Что вам угодно от меня?

– Мадам, – медленно начал молодой человек, – у меня нет никаких рекомендаций, и я желал бы поговорить с вами наедине, без свидетелей.

Он сказал «мадам», а не «ваше величество», как того требовал этикет, и свободно выразил свое желание, не придавая ему формы просьбы.

Шокированные придворные нахмурились, дамы сделали гримаску... Но сама Жозефина, легкомысленная креолка, не казалась смущенной таким нарушением этикета. Гранлис понравился ей и заинтересовал ее с первого взгляда; кроме того, к ее собственному удивлению, он как-то смущал ее, и она даже не могла объяснить себе это.

Уступая его желанию, она отпустила всех дам, даже Гортензию, сделала знак офицерам выйти за двери. Когда первый камергер остановился было шагах в десяти, как бы из предосторожности, она жестом приказала ему удалиться. В зале осталась одна Гортензия, в дальнем углу перелистывавшая альбом.

– Вы желаете получить патент на звание офицера в полку Изембурга или Тур д'Оверна? – заговорила императрица.

– Да, мадам!

– Вы знатного рода?

– Да.

– Почему же тогда у вас нет никого, кто рекомендовал бы вас при дворе передо мной? Никакого покровительства?

Гранлис улыбнулся; взоры его синих глаз, устремленные на императрицу, сверкнули ярким огнем.

– Простите, мадам, у меня есть покровительство, а именно ваше.

– Не понимаю, – произнесла Жозефина, – перестаньте говорить загадками; объяснитесь прямо!

Ее тон стал резким, почти повелительным. Гранлис решился:

– Вы уже спасли меня один раз; может быть, это послужит основанием сделать то же еще раз.

Заинтересованная Жозефина приподнялась и склонилась к странному просителю.

– Я спасла вас? Когда? Каким образом?

Тогда на глазах внимательно следивших за этой сценой придворных, наблюдавших из соседней комнаты, молодой человек приблизился и тихо и быстро произнес несколько слов, имен, чисел. До Гортензии долетело:

– Тысяча семьсот девяносто пятый год... Фротте... Баррас, Тампль... палачи... милосердие...

Императрица отступила, с внезапным движением удивления всматриваясь в юношеское лицо своего собеседника, затем невольно склонилась перед ним и произнесла:

– Вы! Вы! Ваше высочество!

Затем она подала принцу свою руку и увлекла его на террасу. Можно было еще расслышать, как она сказала ему:

– Вы похожи на свою бедную мать... Как невероятно все это!..

Остальные слова унес в парк утренний ветерок...

Они говорили еще долго. В минуту увлечения голос Гранлиса зазвучал выражением гнева, долетели фразы:

– Измена... бунтовщики-дяди... гражданская смерть... подлость... покушения... Убежище в армии...

Жозефина беспокойно оглянулась кругом и успокоила юношу тихим, предостерегающим жестом. Было очевидно, что, говоря со своим странным просителем, она оказывает ему знаки величайшего уважения. Когда она отпускала его, они оба, по-видимому, пришли к полному соглашению. Наконец против всех правил церемониала императрица проводила его до дверей зала; вся свита была поражена до крайности.

На минуту Гранлис остановился у дверей, взволнованно осмотрелся кругом, взглянул на обои, мебель, картины на стенах и тихо проговорил:

– Какие воспоминания!

Но императрица, приложив палец к губам, еще раз остановила его. Он спохватился и сказал уже громко:

– Благодарю вас за вашу доброту. Значит, вы обещаете?

Жозефина наклонилась к нему и шепнула так тихо, что это могла слышать одна Гортензия:

– Да, государь.

VI

В это самое время Жозеф Кантекор сильно волновался.

Прибыв накануне в Компьен, он блуждал по улицам около замка в одежде крестьянина, приехавшего на субботний базар. Он был хорошо переодет, хотя в то время не достиг еще истинной ловкости в умении изменять свой вид. Временами он, как будто бесцельно блуждая, подходил к воротам замка. Когда кто-нибудь выходил оттуда, он старался попасться на дороге и, кланяясь с самым невинным видом, пристально всматривался в лица дворян.

Он уже таким образом разглядел многих, как вдруг заметил издали новое лицо, одетое в глубокий траур. Этот человек шел медленно, опустив голову, в глубокой задумчивости; за ним тащила по пыли толстая палка, надетая ремешком на руку.

Кантекор всматривался в подходившего субъекта с прежним вниманием; но вдруг он вздрогнул, побледнел, его глаза расширились, лицо выразило безграничное удивление и ужас.

Незнакомец шел дальше, не замечая крестьянина.

Кантекор прислонился к большой тумбе на площади, отирая пот с лица и бормоча:

– Не может быть, это невероятно... я брежу... Но такого сходства не бывает... Правда, я очень мало и плохо видел того, это, может быть, другой... Но у меня есть причины помнить то лицо... И вот он передо мной... Он самый, в двадцати шагах расстояния, на обеих ногах. Если он не умер, значит, смерть не существует больше. Мне, мне просто делается страшно... Во всяком случае, я должен удостовериться...

Он последовал за человеком, причинившим ему такую тревогу, видел, как тот прошел площадь Ратуши и пошел в гостиницу «Золотой колокол».

«Теперь он у меня в руках», – подумал Кантекор, входя вслед за ним в большую гостиницу.

Как только они вошли, навстречу незнакомцу поспешил молодой аристократ, протягивая ему руку и дружески говоря:

– Ну что, граф де Тэ, вы довольны, как и я?

– Да, господин Мартенсар, насколько я могу быть доволен, – ответил ему граф де Тэ.

Кантекор не мог слушать дальше: ему не хватало воздуха, он вышел из дома.

– Это он! Боже мой, это он! Мертвые воскресают... – бормотал Кантекор. – Он носит траур по себе самому!..

Мало-помалу он успокоился; инстинкт ищейки проснулся в душе труса; он остановился и повернул обратно в гостиницу «Золотой колокол».

«Однако, если он жив, зачем он во Франции? Не хочет ли и он вступить в аристократический полк? Зачем? Ведь он – враг императора и Франции, наверное, он замышляет что-нибудь дурное... Внимание! Не зевай, Кантекор! Берегись! Может быть, это в конце концов – опять новая удача... Смотри в оба!»

Быстро и уверенно вошел он в гостиницу. Был полдень. Колокол церкви Святого Иакова ответил бою часов на ратуше. Площадь по случаю базара кишела народом и движением. Однако час завтрака пробил не только на часах, но и в желудках; поэтому мало-помалу пустели улицы и наполнялись дома. Наступила тишина.

Когда Кантекор вошел в столовую гостиницы, там теснилась густая толпа богатых окрестных поселян и горожан. Но он не обратил на нее внимания. Его взгляд был устремлен на группу аристократов, среди которой он узнал, все с тем же трепетом, графа де Тэ, князя де Груа, конногвардейца с аустерлицкой фермы, который, несмотря на печальное выражение лица, казалось, чувствовал себя совершенно здоровым.

Эта группа молодых вельмож состояла из утренних просителей во дворе императорского замка.

Тут были кроме графа де Тэ и де Гранлиса, виконт д'Иммар-мон, граф д'Отрем, маркиз де Невантер, граф Новар, д'Орсимон, Микеле де Марш, Рантвиньи и Мартенсар. Последний сыпал любезностями, комплиментами и поклонами.

– Прошу вас, господа, – говорил он, – сделать мне одолжение, приняв мое приглашение, идущее от чистого сердца. Я отлично понимаю великую честь, которой прошу: вы все знатного рода, а я – только сын скромного банкира...

Многие улыбнулись, так как огромное состояние отца Мартенсара, уже десять лет бывшего поставщиком всей армии и придворным банкиром, было известно всем. Нередко принцы

пользовались его услугами, а Жозефина имела у него открытый счет, грозивший стать бесконечным.

– Однако надо приучаться быть товарищами: ведь завтра все мы, без различия титула и звания, станем офицерами императорской армии. Так представимся же друг другу и потоварищески позавтракаем вместе. Я уже просил вас сделать мне честь, разрешить принять заботу об этом угощении и его издержки на свой счет.

Шевалье д'Орсимон, красивый молодой человек без всякого состояния, проворно ответил:

– Издержки – да, на это я согласен, что же касается меню, то здесь я хочу участвовать в выборе, считая себя первым гастрономом Франции.

– Хвастун! – сказал сын банкира.

Теперь засмеялись все, кроме бедного де Тэ, который едва мог улыбнуться.

– Господин Мартенсар, – сказал де Гранлис, – я в отчаянии, что должен отказаться от этой чести: у меня самого есть приглашенные, виконт д'Иммармон и граф д'Отрем.

– Это не беда. Я принимаю на себя уплату по вашему обязательству: это простая финансовая операция, обычная в нашем семействе.

Снова раздался смех над остроумным ответом; многие уже готовы были сдаться на такое радушное, дружеское обращение, но в эту минуту послышались отдаленный шум и гул голосов на улицах, затем мерный звук лошадиного топота, привлечший молодых людей к окнам зала.

Они увидели мчавшуюся открытую коляску, голубую с золотом, запряженную четверкой белых лошадей и окруженную отрядом егерей с обнаженными саблями. В ней сидел император, по своему обыкновению неожиданно примчавшийся во дворец. Он появился, как блестящее видение, в зеленом мундире гвардейского стрелкового полка. Налево от него сидел Бертъе, перед ним Савари и полковник главного штаба. Наполеон казался замечательно молодым и могучим. Не кланяясь, он пристально смотрел на эту гостиницу, откуда раздавались восторженные крики приветия. Он мог видеть в окнах эту молодежь, которую он так любил, на которой думал основать свое могущество.

Микеле де Марш, Мартенсар, Рантвиньи, д'Орсимон махали шляпами, крича во все горло:

– Да здравствует император!

Д'Отрем, Новар, Тэ, Невантер молча обнажили голову. Гранлис тоже почти невольно приподнял свою шляпу.

Император проехал. Последний всадник его конвоя исчез среди облака пыли. В гостинице сразу все стихло; наступила какая-то торжественная тишина.

В углу зала Кантекор делал какие-то заметки.

Де Гранлис обернулся к Мартенсару и изменившимся, дружеским голосом сказал:

– Я принимаю ваше приглашение за себя и за своих товарищей... Да здравствует император!.. Жизнь так хороша!

Следуя его примеру, Новар, Тэ, Невантер согласились в свою очередь.

– Примемся за выбор меню, шевалье д'Орсимон! – произнес Мартенсар, увлекая того по направлению кухни.

В соседней с общим залом комнате три служанки проворно накрыли стол на десять приборов. Хозяин гостиницы предвидел хорошую наживу и решил заранее отделить своих знатных гостей от общей толпы. Он был совершенно прав, так как дом был полон разных подозрительных личностей. По базарным дням гостиница вообще была полна народу, но в эту субботу больше чем когда-нибудь.

Кантекор, уничтожая рагу из баранины, наблюдал за публикой и делал недовольную гримасу. Здесь было много знакомых ему субъектов, загадочных личностей, которых он видел бродившими вокруг Пале-Рояля и во многих общественных местах, где он бывал по долгу

своей службы. Если он узнавал их, то, конечно, был узнан в свою очередь. Его переодевание было, конечно, детской игрой для профессиональных сыщиков, и он хорошо знал это по своему собственному опыту, прекрасно угадывая своих собратьев по ремеслу, агентов графа Прованского, графа д'Артуа, даже своей собственной полиции под платьем грубого бельгийца, говорившего со слишком уж сильным акцентом, под егерским мундиром или блузой рабочего. Было ясно видно, что собрание в Компьене стольких представителей старинных фамилий возбуждало любопытство и недоверие многих партий.

Бурбоны, естественно, желали по крайней мере в точности знать новых изменников своей партии, а императорское правительство, принимая последних, все-таки хотело удостовериться в их искренности. Таким образом, гостиница «Золотой колокол» являлась в данное время средоточием всевозможной полиции, и каждый жест, каждое движение присутствовавших подлежало строгому наблюдению.

Только, может быть, эти десять будущих офицеров аристократического полка не замечали странности окружавшей их среды.

Мартенсар и Орсимон вернулись из кухни с сияющим видом, размахивая карточкой выбранных блюд. С громким говором все пошли в отдельную комнату, дверь которой оставалась, однако, открытой для слуг.

Кантекор уселся как раз напротив, так что мог видеть все, происходившее внутри комнаты.

Мартенсар, в качестве амфитриона, громко заговорил:

– Господа, товарищи! Садитесь, пожалуйста, где хотите, этикет сегодня отсутствует: ведь мы будем все равны под одними эполетами! Занимайте свои места, пожалуйста!

Молодые люди сели; стол был круглый, а потому не могло быть различия мест. Иммармон и д'Отрем непринужденно заняли места около Гранлиса, по обе стороны его.

Между тем какой-то человек, лет пятидесяти, низкий, широкоплечий, с большим носом и густой черной бородой до самых глаз, одетый богатым горожанином, с шумом пошел в общий зал, сел на стул около Кантекора и грубо оттолкнул его, сказав:

– Подвинься!

Кантекор заворчал: он не любил, когда ему мешали, особенно при интересном зрелище. Но его сосед взглянул на него таким пылающим взглядом и таким тоном приказал: «Молчи, мужик!» – что тот остолбенел от удивления. Опомнившись, он поклялся себе отомстить за это при первом удобном случае.

Прибытие этого человека произвело впечатление на окружающих, которые ели и пили, стоя у буфета; на него со всех сторон устремились любопытные взгляды. Слишком оригинальным казался этот человек, и тот, кто отправился бы следить за ним, вероятно, напал бы на хороший след...

Не обращая ни на что внимания, он поглощал теперь ломти холодного мяса, запивая их большими глотками вина из поминутно наливаемого стакана. Время от времени он, обтирая лицо, бросал взгляд в окно на своего слугу, сторожившего лошадей. Тот убирал за обе щеки хлеб с бараниной; перед ним на каменной скамье стояла пенившаяся кружка светлого пива. Держа в руке вожжи обеих лошадей, он в свою очередь не спускал глаз со своего хозяина.

Вдруг незнакомец вздрогнул и выпрямился, прислушиваясь.

Дверь в соседнюю комнату, где завтракали будущие офицеры, была притворена, но теперь она открылась перед хорошенькой служанкой Бастьенной, которая несла на большом блюде новое кушанье.

– Цыплята а-ля Маренго! – громко объявила она.

Это блюдо было изобретено и получило свое название после блестящей победы Наполеона в Италии в бытность его первым консулом.

Приверженцы Наполеона – Мартенсар, Орсимон, Микеле де Марш и Рантвиньи, принялись горланить:

– Да здравствует император!

Остальные, чтобы не дразнить гусей, принялись смеяться... Поднялся страшный шум, ураганом вырвавшийся в общий зал.

Человек с черной бородой ударил кулаком по столу, крикнул страшное проклятие и устремил пылающий взор в соседнюю комнату.

Оттуда вышла Бастьенна, раскрасневшаяся и растрепанная, но улыбающаяся. За ее платье уцепился Рантвиньи, но он выпустил ее из руки при виде публики и вернулся на свое место за стол.

Шум замолк: рты работали со всем аппетитом двадцатилетнего возраста. В наступившей полутемноте ясно слышались отдельные фразы. Молодежь тешилась своими титулами, и, несмотря на преданность некоторых Бонапарту, все делало вид, что и не помнят о недавнем еще существовании республики, а в особенности террора.

Раздавались громкие обращения:

– Вина, виконт Иммармон?

– Благодарю, маркиз Невантер.

– Не угодно ли рака, господин де Гранлис?

– Охотно, граф д'Отрем.

– Граф де Тэ, князь де Груа, – церемонно произнес Мартенсар, – оставьте, ради бога, свой мрачный вид! Ведь молодые люди бывают только раз в жизни. Кто знает, что ждет нас завтра? Выпьем же за будущее, каково бы оно ни было, и за настоящее... Вот это, конечно, сразу развеселит вас; посмотрите-ка на эти пыльные бутылки: это шамбертен, вино императора!

– Да здравствует император! – снова закричали ярые бонапартисты, и их четыре голоса звучали точно целый десяток.

При этих криках сосед Кантекора вскочил с места, оттолкнул свой стул, так что тот опрокинулся на пол, и, схватив тарелку, бросил ее со всего размаха в соседнюю комнату. Она упала как раз посреди стола, разбив четыре стакана и три блюда.

Сидевшие за столом с шумом поднялись со своих мест.

В общем зале тоже все пришло в движение.

Не обращая внимания на толпу, виновник суматохи громко крикнул:

– Тарелку бросил я! Я не могу равнодушно слышать, как сын или племянник Иммармона, д'Отрема, этих друзей генерала Фротте, погибших, как и он, под выстрелами «синих», как сыновья казненных на гильотине Новара и Невантера, изменяют своему имени, изменяют прошлому, прославляя узурпатора! Подлецы, изменники, ренегаты! Я когда-нибудь рассчитаюсь со всеми вами, а пока бросаю вам в лицо, как перчатку, свое имя, чтобы его знали все вы. Я – Бруслар, друг Кадудая, последний из шуанов! Да здравствует король!

Последний крик затерялся в общем шуме. Мартенсар выскочил первый и бросился на Бруслара, но тот с необыкновенной силой скрутил ему руки.

Кантекор не помня себя кинулся вперед, решившись хотя бы с опасностью для жизни схватить легендарного врага Наполеона, довольный возможностью отомстить ему и за себя.

Со всех сторон бросились вперед, кто – за, кто – против Бруслара. Агенты Фуше хотели во что бы то ни стало захватить ненавистного шуана, голова которого была оценена в двадцать тысяч франков. Шпионы графов д'Артуа и Прованского сочли своим долгом защищать его. Даже среди посторонних посетителей гостиницы оказались приверженцы или противники Бруслара.

Гранлис, восхищавшийся в душе поступком шуана, был одного мнения с Иммармоном и д'Отремом; Новар, Тэ, Невантер, несмотря на оскорбление, ничего не имели против него,

а четыре сторонника империи – Орсимон, Мартенсар, Микеле и Рантвиньи – были готовы сорвать голову Бруслару.

Пошли в ход кулаки, бутылки, но шуан, поддерживаемый своими сторонниками, вынул из кармана два пистолета и, направив их в упор на нападавших, крикнул:

– Стой! Я убью первого, кто сунется ко мне! Вы должны знать мой обычай!

Отступили даже самые храбрые, не имея в руках оружия.

Шуан воспользовался этим, чтобы медленно отступить, не опуская пистолетов. Дойдя до двери, он одним прыжком выскочил на улицу, вскочил на свою лошадь, которую слуга, услышав шум, держал наготове, сам сидя уже в седле, и оба помчались прочь от гостиницы, где еще шла свалка противников. Скоро оба всадника скрылись в глубине леса.

– Ищи ветра в поле! – философски заметил хозяин гостиницы, входя снова в общий зал.

Долго еще длились споры. Кантекор, в отчаянии от того, что ускользнул такой отъявленный враг императора, обвинял всех в этом бегстве, в особенности же толстого бельгийца и егеря. Те с негодованием отказывались, думая об одном, как бы поскорее удрать из этого опасного места. Они были правы, так как оба служили шпионами у графов Прованского и д'Артуа. Они больше всего боялись скандала, который погубил бы их, выдав их звание. Пока же они оба ссылались на свое великодушие, заставившее их принять сторону слабого, защитить одного, на которого напали десять человек.

– Слабого! – проворчал Кантекор, получивший от Бруслара такой удар, от которого у него до сих пор болели бока. – При помощи троих таких слабых я справился бы со всеми вами, черт побери! Ну, делать нечего, это дело кончено, нечего о нем больше и толковать; до следующего раза...

И трое сыщиков, прекрасно узнавших друг друга, стали пить вместе, объединяемые своей профессией и неудачей.

Между тем в соседней комнате, куда теперь закрыли дверь, будущие офицеры, с беззаботностью своего возраста, продолжали на этот раз без помехи свой прерванный завтрак; только разговоры приняли несколько более серьезный тон. Говорили о приеме императрицы, о полученных обещаниях. Она была так приветлива и любезна со всеми, что многие удивлялись: она как будто осталась верна прежним традициям, и ее двор походил на салон предместья Сен-Жермен. Там слышались имена старой аристократии, и жена Наполеона проявляла явную слабость к громким титулам.

– Чего же вы хотите? – пожал плечами д'Орсимон. – Прошлое еще слишком живо в ее памяти; ведь это же ее собственный круг.

– Ну, не особенно, – поджал губы д'Отрем, – ее род не из очень знатных.

– Однако это не помешало гильотинировать Богарне, – заметил Мартенсар.

Гранлис улыбался своей тихой улыбкой, слушая эту болтовню.

– Вы правы, – продолжал д'Отрем. – Императрица знала настоящих дворян только в передней гильотины. Но надо сознаться, что теперь она готова оказать им всякие услуги. Она добрая женщина.

– Может быть, – усмехнулся Микеле, – только для других, а не для своего собственного супруга.

Кое-кто рассмеялся.

– О, ее супруг! Этому-то она дала себя знать! – подмигнул Иммармон.

– Послушайте, господа, – вступился Мартенсар, – это – ваша благодарность за все милости императрицы? Подумайте лучше о тех, кто пользуется этой самой императрицей, чтобы добыть себе места, деньги, чины, а у нее за спиной ее же злословить!

Фраза была резка, в особенности в устах всегда угодливого и любезного молодого человека.

– Вы правы, господин Мартенсар, – поддержал его Гранлис.

– О, пожалуйста, не величайте меня господином... Просто Мартенсар! Я только сын буржуа, не больше!

– Простите, – улыбнулся снова Гранлис, бросив взгляд на своего соседа справа, – ваша правда; я не имею никакого права... Да, я первый подтверждаю, что императрица Жозефина – сама доброта; я лично должен быть вдвойне благодарен ей за прошлое и за настоящее.

– В добрый час! – воскликнул Мартенсар. – Это хорошо сказано!

Он дружески протянул через стол свою руку Гранлису, тот после минутного колебания, скрыв свое удивление, дружески пожал протянутую ему руку. Д'Отрем и д'Иммармон молча переглянулись.

Рантвиньи – может быть, без всякого намерения – еще усилил неловкость положения.

– Господин де Гранлис, – важно сказал он, – ваше свидетельство для нас очень ценно, но, отнюдь не желая обидеть вас, позволяю себе заметить, что вы, как и я, представляете здесь собой лицо не особенно большой знатности, вроде только что упомянутых Богарне. У нас с вами нет никакого титула, наше имя очень скромно. Настоящие же вельможи, – те, кого сейчас назвал Бруслар: виконт Иммармон, маркиз Невантер, граф д'Отрем, граф Новар, граф де Тэ, князь де Груа, – или говорили против императрицы, или молчали, не подняв голоса в ее защиту. Приходится с грустью сознаться в этом... А между тем я полагал, что в армии императора все должны быть преданы представителям империи!

Среди окружающих поднялось заметное движение; партии начали принимать определенный характер: с одной стороны было шесть роялистов, с другой – четыре ярых поклонника империи.

Предчувствуя настоящую ссору, де Тэ заговорил первый раз в течение всего завтрака. Его голос, манеры, странная красота бледного лица сразу поразили его товарищей, и они слушали его без всяких возражений.

– Господа, – начал он, – какое нам дело до чужой совести? Мы все – французы, завтра все будем офицерами. Наша обязанность, наш долг – преданность родине, презрение опасностей. И этот долг, я полагаю, мы должны исполнить без всяких задних мыслей. Никто не имеет права спрашивать с нас большего, справляясь о наших побуждениях. Каждый может иметь свои личные соображения, которые никого не касаются, раз он честно исполнял свой долг. Я первый признаюсь, что у меня есть своя личная цель при поступлении на службу, но я не считаю нужным никому доверять ее: мне достаточно своей собственной совести. Вам, конечно, также достаточно вашей... Не правда ли? Ну и отлично, будем квиты!

Он был прав, это признали все. Грозивший подняться спор не имел больше никакого смысла.

– Господин Мартенсар, забудем прошлое, и спасибо за ваш завтрак, – продолжал де Тэ.

– Надеюсь, что он не последний и я еще не раз угощу вас, – весело ответил молодой буржуа, снова ставший милым и любезным.

Все взяли свои шляпы, висевшие на вешалке, и вышли из комнаты, не обращая внимания на глазевших посетителей гостиницы.

Кантекор, когда они проходили мимо, снял шляпу и низко раскланялся. Он еще раз пристально всматривался в лица молодых людей, тщательно запоминая их черты.

Благодаря выходке Бруслара он знал теперь имена некоторых из них, и они были знакомы ему; они встречались в письмах, украденных им у конногвардейца, которого он считал мертвым и который выходил теперь из гостиницы, не узнавая его. Эти имена возбуждали в Кантегоре подозрения, наводили его на мысль о какой-нибудь вредной затее, доказывали, что молодые люди носят маску, ложно разыгрывая роль примирившихся с обстоятельствами. Но, как хороший сыщик, он ясно видел, что все эти люди, считая в том числе и Бруслара, плохо знают друг друга и действуют не сообща.

На пороге гостиницы молодые люди стали прощаться, обмениваясь рукопожатиями и любезностями. Эта сцена была прервана неожиданным событием.

К гостинице крупной рысью подъехало роскошное ландо, украшенное блестящими гербами. Напудренный лакей соскочил на землю, а кучер в парике и треуголке торжественно и величественно сдержал горячих лошадей, разбрасывавших белые клочья пены. Позади ехали два конных пикинёра, державших в поводу оседланных лошадей. Все это напоминало доброе старое время, когда еще не было проскрипций, революции и гильотины.

В ландо сидела немолодая, но еще свежая дама, а около нее красивая молодая девушка во всем блеске юной красоты, кого-то искавшая глазами среди группы молодежи.

– Иммармон, твоя мать и сестра, – сказал д’Отрем.

Виконт проворно оглянулся, но его предупредили Гранлис и Прюнге. Остальные молодые люди смотрели издали, почтительно приподняв свои шляпы, так как эти дамы внушали невольное почтение.

Гранлис раскланялся, стоя у коляски, и, к удивлению присутствующих, ему был отдан еще более низкий поклон. Иммармон быстро проговорил:

– Осторожнее! На нас смотрят!

Дамы сейчас же приняли непринужденный вид, а Иммармон обратился к своей матери:

– Господин Гранлис, это – моя мать, вы угадали... А это – моя сестра Изабелла, будущая графиня Прюнге д’Отрем!

– Господин Гранлис, – нерешительно проговорила госпожа Иммармон, – разрешите похитить вас... Неудобно дворянину вашего звания жить в гостинице. Вы удостоили быть другом моего сына и племянника Прюнге; сделайте же честь нашему дому своим высоким присутствием.

Гранлис колебался. Он хорошо помнил, что ему еще следует остерегаться, хранить свою свободу, не выбирая определенного места для своего пребывания, но трудно было устоять перед просьбой матери Иммармона и против чудных глаз его сестры. Поэтому он произнес:

– Я не могу сопротивляться и принимаю ваше приглашение, хотя знаю, что не следует... Пусть будет по вашему желанию.

– Благодарю, ваше... сударь! – промолвила, покраснев, молодая девушка и хотела уступить место своему высокому гостю.

– Остаься на месте, Изабелла, – остановил ее Прюнге, – помни, что мы среди публики. Господин де Гранлис будет любезен сесть на переднюю скамейку, ехать недалеко.

– Конечно, – улыбнулся Гранлис, влезая в ландо и садясь напротив дам.

Иммармон и Прюнге сели на оседланных лошадей, кучер щелкнул бичом, и ландо помчалось. Молодые люди скакали по обеим сторонам экипажа, в двадцати шагах ехали два пикинёра.

Мартенсар проговорил:

– Кто может подумать, что была революция?

– Иммармон любит пышность, – справедливо заметил Микеле, – он поощряет ее где только можно...

– Пусть их! – заключил Рантвиньи. – Надо еще считаться со знатью, аристократии предстоит еще долгая жизнь.

VII

Пока завтракали в гостинице, завтракали и во дворце.

Император, явившийся как снег на голову, прежде всего потребовал есть. Он был чрезвычайно голоден, а в таких случаях его настроение бывало невыносимо.

Он сухо поздоровался с Жозефиной и Гортензией, не ответил на поклоны придворных, не обратил внимания даже на Луизу Кастеле.

Все притихли. Дамы осаждали вопросами Бертье и Савари, но те качали головами и не хотели отвечать.

– Не потому же император так расстроен, что голоден? – приставали к ним. – Тут что-нибудь другое... Что такое?..

Они отзывались незнанием.

В ожидании завтрака Наполеон одиноко ходил по террасе, нервно стегая хлыстом ветки апельсиновых деревьев в кадках.

Наконец можно было идти в соседнюю столовую; он подал руку Жозефине, Бертье – Гортензии, генерал Савари – Луизе Кастеле.

Наполеон ел скоро и очень мало, пил из маленького стакана свое любимое вино шамбертен и скоро облегченно вздохнул, утолив свой аппетит. Окинув тихо сидевших за столом придворных беглым взглядом, он спросил:

– Ну, что с вами? Отчего у всех такой похоронный вид?

Все поспешили рассмеяться: гроза прошла.

– Послушай, Наполеон, – тихо и нежно сказала Жозефина, – у тебя есть причины тревожиться?

– Ну так что же? – ответил он. – Разве я должен давать в них тебе публичный ответ? Впрочем, это не секрет, я могу сказать... Да, у меня неприятности с Пруссией.

Воцарилось глубокое молчание.

– Опять война! – вздохнула Гортензия.

– Нет еще, малютка, – сказал Наполеон, – во всяком случае, я не ищу ее.

Видя, какое действие произвели его слова, император стал умышленно весел и начал, по обыкновению, дразнить придворных дам. Он уверял Луизу Кастеле, что у нее делается красный нос и она скоро будет похожа на старую англичанку. Та делала вид, что поверила, и приходила в ужас, что очень забавляло великого человека.

Конец завтрака был очень оживлен и весел. Жозефина была остроумна и мила, император улыбался ей. Она не забыла своих протезе и нашла, что теперь самое удобное время предьявить список.

После кофе Наполеон встал из-за стола и, сложив руки за спину, пошел на террасу. Там он тяжело опустился в кресло и вынул из кармана свою табакерку.

Он начал полнеть; цвет лица у него стал лучше, он не походил больше на прежнего, худощавого и смуглого корсиканского офицера. Теперь его лицо было спокойно и выражало сознание своей силы. Остался только тот же пронизательный взгляд глубоко сидящих глаз, который в часы гнева не мог вынести никто.

Вокруг императора, в отдалении, поместились придворные. Жозефина, Гортензия, Бертье и Савари расположились в трех шагах.

Императрица решила и заговорила своим томным голосом креолки, которому придавала детски наивное выражение, когда хотела что-нибудь выпросить. Император, уже по этому тону понимая, в чем дело, нахмурил было брови, хотя еще не пришел в дурное настроение.

– Наполеон, – сказала Жозефина, – как ты мне позволил, я приняла еще несколько прошений от кандидатов в аристократические полки Изембурга и Тур д'Оверна.

– У Изембурга полк набран, – буркнул Наполеон.

– Тогда к Тур д'Оверну, – не сдавалась императрица.

– Тур д'Оверн! – передразнил властелин Европы. – Прежде всего я ничего не позволял...

– Разрешил, однако...

– Это не одно и то же!

– А какие знатные имена я представлю тебе! Все эти молодые люди, ослепленные твоей славой, покоренные твоим величием, жаждут служить тебе, драться за тебя и умереть на твоих глазах.

– Говори дальше... Ведь сказать все можно... – проворчал Наполеон, постукивая пальцами по крышке табакерки. Потом, повинувшись понятному любопытству, он сделал первую уступку. – Ну, как же зовут этих молодчиков? – спросил он.

– Луиза, список у вас? – обратилась Жозефина к Луизе Кастеле.

Та, улыбаясь, подошла к ней с листком бумаги в руке.

– Вот он, ваше величество.

Наполеон, любуясь красавицей, резко спросил у нее:

– Вы теперь секретарь?

– Да, секретарь граций, государь, – ответила Луиза, кланяясь Жозефине.

– Куртизанка!

– О государь!

– Ну что ж такое! Куртизан, куртизанка – только и всего!

Император рассмеялся. Все шло отлично.

– Ну, читай свой список! – благосклонно сказал Наполеон жене.

– «Граф де Тэ, князь де Груа...» – начала она.

– Этот! – вскочил Наполеон. – Фамилия неисправимых шуанов! Это бретонец из бретонцев! Он присоединяется к нам! Это невозможно! Один из них погиб около Тиктениака с оружием в руках!

– Это дядя нашего де Тэ. Он второй сын графа де Тэ, покончившего жизнь самоубийством после тяжелой семейной драмы. Это смелый и хороший человек, он сделает вам честь. Принимаешь ты его?

– Может быть, по размышлении... Не правда ли, Савари?

– Понял, государь.

– Продолжай!

– Мартенсар.

– Сын?.. Ах да, ведь вы говорили о знаменитости... Этому, конечно, нельзя отказать в ней!.. Его не принять нельзя: это причинит, пожалуй, неприятность кое-кому. Не правда ли, Жозефина?

Императрица слегка покраснела.

– Его отец хорошо принят при дворе, – сказала она, – он многим оказывает услуги и безусловно предан нашей семье.

– Это я знаю. Хорошо, этот принят. Называй теперь свою знать, самых знатных.

– Маркиз де Невантер.

– Невантер? Эрве де Невантер?

Громадная память Наполеона сохраняла все имена.

– Да, государь.

– Тот, который участвовал в заговоре Кадудалья, Пишегрю и Моро! Он был приговорен к смертной казни вместе с другими, и я помиловал его только ради его молодости. Он был присужден к двум годам заключения, а теперь он просит себе чин?

– Государь, – тихо сказала императрица, – вы помиловали его ради его молодости, но также и потому, что Фуше представил его письма, где этот юноша, увлеченный своей семьей, сожалел, что шел против вас, восхищался вашим величием... Это восхищение теперь только возросло; он готов теперь служить у вас простым солдатом – это все, чего он просит.

– Нет, – точно отрезал Наполеон. – Итак, все враги? Другие?

– Жак д'Иммармон...

– Так... Вы сговорились с целой шайкой шуанов? Иммармоны непримиримы; если здесь ко мне присоединится один из них, то все остальные злоумышляют против меня в Англии. Все они из шайки Фротте... Этим людям мне не нужно... И не просите – бесполезно. Ваш список сегодня неудачен.

– Господин де Гранлис.

– Это еще что такое?

– Очень старинная и знатная фамилия...

Жозефина запнулась, тем более что на нее были устремлены любопытные взгляды всех придворных, для которых Гранлис оставался загадкой.

Император насмешливо продолжал:

– Не знаю никаких «лилий» во Франции, ни великих, ни малых⁴. Гранлис... Это имя едва ли может мне нравиться...

– Ведь все лилии, большие и малые, у ваших ног, государь, – заметила Жозефина.

– Все это пустые фразы! Дальше, продолжай!

– О государь!..

– Продолжай, или оставим это дело совсем, как хочешь...

Жозефина заглушила тяжелый вздох, но продолжала:

– Граф Жак де Прюнге д'Отрем.

– Да что это, вы бились об заклад, что ли?! – разразился Наполеон. – Еще семья отъявленных роялистов, соумышленников Кадудала и Фротте! Я говорю вам, что вас обманывают, что вашей добротой злоупотребляют! Это опять какой-нибудь новый заговор, и вы без своего ведома открываете доступ измене, которая все время неустанно преследует меня! – Он вырвал из ее рук бумагу и громко стал читать имена. – Гранлис – нет! Почему этот стоит первым? Де Тэ – нет, д'Отрем – нет, Микеле де Марш, Рантвиньи – нет и нет! Новар – не знаю такого, нет! Орсимон – какой титул?.. Нет! Мартенсар – да. Единственный знатен, как кошка на крыше, но по крайней мере не изменник.

Жозефина была смущена.

– Государь, позвольте мне, – попробовала вмешаться Гортензия.

– Ничего не позволю. Твоя мать сошла с ума: если бы я послушал ее, то был бы убит через три дня!

– Нельзя говорить такие вещи, государь, – покачала хорошенькой головкой Луиза де Кастеле.

– В самом деле, колдунья? Не надо ли спросить позволения у вас?

– Вы не получили бы его, государь!

Император несколько успокоился. Он все еще держал в руке злополучный список, и Жозефина не теряла надежды, зная, как часто меняется настроение Наполеона.

В это время позади императора, шагах в тридцати, появился адъютант, издали сделал знак генералу Савари и медленно скрылся.

Генерал, начальник жандармского корпуса в империи, небрежно поднялся с места, сделал несколько шагов и незаметно вышел вслед за позвавшим его офицером. Минуту спустя он вернулся, заметно озабоченный.

На дворе послышался звук оружия, и вдоль решетки выстроилась шеренга гренадеров. Заметив это, Наполеон быстро встал с места.

– Что это значит? Что случилось? Удвоили стражу? По чьему приказанию? Это вы, Савари? Вы сейчас уходили, я видел. Почему?

– Государь, – ответил смущенный Савари, – когда дело идет о вашей особе, никакие предосторожности не излишни.

⁴ Гранлис в переводе значит «великая лилия». Лилия составляла герб французских королей.

– Значит, есть опасность? – прошептала Жозефина, невольно подходя к императору ближе.

– Отойди! – отстранил ее Наполеон. – Савари, отвечай, я хочу знать!

– Не смею ослушаться, – поклонился Савари. – Государь, четверть часа тому назад в гостинице «Золотой колокол» произошел скандал, столкновение нескольких молодых вельмож – именно тех, имена которых только что прочла императрица, с каким-то незнакомцем, который оскорбил их, упрекая в измене своему званию, выразившейся в присоединении к вашей армии. Незнакомец скрылся, так как был вооружен, все же остальные не имели при себе оружия.

– Его имя известно? – спросил Наполеон.

– Да, государь.

– Говорите! Это главный зачинщик!

Савари колебался.

Император топнул ногой.

– Скажешь ли ты наконец!

– Бруслар... – шепнул Савари.

– Бруслар! – яростно крикнул Наполеон, так как это имя обладало свойством приводить его в бешенство.

Бруслар был его худшим врагом, единственным, кого он не мог покорить, это был кошмар Наполеона. Последний из шуанов сопротивлялся ему уже десять лет. Друг Фротте, Кадудалья, Моро и Пишегрю, он поклялся убить сначала Наполеона – первого консула, а потом императора. Эта угроза преследовала «тирана», «узурпатора», как он называл Наполеона по всей Франции. Ни полиция Фуше, ни жандармы Савари, ни все шпионы империи не могли ни остановить Бруслара, ни разыскать его тайного убежища. И вот теперь, среди ясного дня, в гостинице, перед многочисленной толпой, в нескольких саженях от замка императора, он снова появился, дерзко издеваясь над его могуществом, изрыгал оскорбления и снова бесследно исчез, оправдывая свое прозвище «Неуловимый».

Наполеон дрожал от ярости, произнося бессвязные слова:

– Сообщники! Слабость! Нерадение! Виноваты все!..

Придворные опустили головы; даже Бертье внимательно разглядывал свои сапоги. Савари побледнел, дамы застыли в неподвижных, беспомощных позах, как и Жозефина с Гортензией. Наконец повелитель несколько успокоился.

– Я хочу знать подробности! Как узнали Бруслара? Савари, рассказывайте все, слышите – все, все! Я так хочу!

Тогда генерал рассказал на свой лад приключение в гостинице, которое слышал уже и сам из третьих уст, причем оно все время изменялось и переиначивалось, что происходит неизбежно со всеми историями.

– Государь, – начал он, – Бруслар вошел в общий зал, около которого в соседней комнате завтракали молодые люди; дверь туда была открыта. Со своего места он слышал имена Иммармона, д'Отрема, Невантера и других. Молодые люди заказали цыплят а-ля Маренго; когда их принесли, они стали кричать: «Да здравствует император!».

Лицо Наполеона несколько прояснилось.

Савари продолжал:

– Потом, когда подали шамбертен и вспомнили, что это ваше любимое вино, государь, крики «Да здравствует император!» раздались с новой силой.

– Слышишь, Наполеон? – шепнула Жозефина.

– Тише! – скомандовал тот. – Продолжай, Савари!

Он снова сказал генералу «ты», это было хорошим знаком.

– Тогда Бруслар вскочил, бросил тарелку в середину их стола, обозвал их изменниками, предателями и крикнул свое имя. Все вскочили, бросились к нему, но у него, как видно, были сообщники в гостинице, которые вступились за него... Направив пистолеты на нападающих, он отступил к двери, прыгнул на лошадь, которую держал его слуга, и поскакал в лес...

Все невольно взглянули на зеленую чашу вдали. Жозефина вздрогнула.

– Его преследовали? – резко спросил Наполеон.

– Да, государь, но не сейчас, так как не решались тревожить ваше величество за столом, вызвав меня.

– Негодяи! – буркнул Наполеон.

На минуту он задумался, потом протянул гневно смятый листок бумаги с именами кандидатов Бертье и сказал ему:

– Маршал, я даю патент поручиков этим десяти кадетам; сделайте все, что нужно.

Жозефина и Гортензия бросились благодарить его нежными объятиями.

Он нетерпеливо высвободился.

– Оставьте меня в покое... Это очень понятно: я получил доказательства их преданности. Ну и отлично, очень рад поверить этому. К тому же там, где они будут, их сумеют караулить.

Таким образом, благодаря вмешательству Бруслара и в особенности меню, составленному Мартенсаром и Орсионом, десять претендентов на места офицеров получили свое назначение.

Иногда мелкие причины вызывают крупные последствия.

VIII

В эту самую субботу, часов около пяти, Луиза Кастеле вышла из парка с книгой в руке и углубилась в лес. Она была вся в белом, по примеру императрицы, с легким зеленым шарфом, накинутым на плечи. С самым невинным видом она вошла под сень деревьев, направилась по одной из дорог и скоро очутилась на перекрестке так называемого Зеленого дуба. Под тенью этого огромного дерева стояла грубая деревянная скамья. Концом шарфа Луиза смахнула с нее листья и, грациозно усевшись на скамейку, казалось, погрузилась в чтение. Вокруг все было тихо; сюда не долетал шум большого города; только звук рожка прозвучал со стороны дворца, и снова наступила полная тишина. Хорошенькая женщина продолжала читать. Потревоженная ее приходом белка засыпала ее листьями, неспелыми еще желудями, мелкими кусочками сухих ветвей. Луиза помахала на нее своим шарфом, и испуганный зверек скрылся в зелени.

Вдруг с правой стороны дороги послышались тяжелые, приближающиеся шаги. Луиза положила книгу на скамейку около себя и стала ждать.

В конце аллеи показалась фигура крестьянина, несшего тяжелую корзину. Он шел, насвистывая и отирая лоб красным платком. Он остановился перед скамейкой, поставил свою корзину на землю и скромно сел на дальнем конце скамьи.

– С вашего позволения! – сказал он. – Я так устал, и к тому же очень жарко... В Париже теперь можно спечься.

При слове «Париж» Луиза вздрогнула.

Агенты, посылаемые к ней Фуше, должны были в первой же фразе произнести это слово, чтобы быть узнаваемыми ею.

Она повернулась, пристально посмотрела на крестьянина и наконец шепнула:

– Это вы, Кантекор?

– К вашим услугам, – ответил тот, на этот раз своим обыкновенным голосом. – Я хорошо переодет, не правда ли?

– Очень, – улыбнулась Луиза, – если бы не пароль, я не узнала бы вас. Слушайте внимательно то, что я сообщу вам. Скажите Фуше, что императрица приняла несколько новых офи-

церов в аристократический полк. Если он хочет, то может получить список их имен. Между ними находится – слушайте хорошенько! – некий Гранлис.

– Хорошо, я знаю.

– Очень странный человек этот Гранлис. Он пожелал говорить с императрицей наедине и сказал ей что-то, что поразило ее. Она увлекла его на террасу, где они говорили минут двадцать, и все время она относилась к нему с таким почтением, какого не оказывает и Наполеону. Заметьте это!

– Уже заметил! – И Кантекор прибавил про себя: «С давних пор!»

– Это, верно, очень знатное лицо, какой-нибудь иностранный принц, вероятно. Но что ему понадобилось в армии? Мне кажется, что надо обратить на него особое внимание министра полиции.

– Это будет сделано. Больше ничего? – спросил Кантекор.

– Разве этого недостаточно?

– Вам всегда мало! – пошутил Кантекор. – До свиданья!

– До свиданья, Кантекор, до субботы!

– Да... Мое почтение!

– Добрый вечер!

Кантекор пошел было прочь, но, отойдя на несколько шагов, ударил себя по лбу и вернулся.

– Простите, я хотел задать вам вопрос...

– Сделайте одолжение, друг мой.

– Вы видели сегодня на приеме некоего графа де Тэ, не правда ли?

– Да. Ну и что же?

– Так... Вот вы образованны... Скажите, верите ли вы в то, что мертвые воскресают?

– Право, не знаю, – нерешительно ответила Луиза, суеверная, как большинство женщин ее времени. – А что?

– Видите ли, я имел полное основание считать де Тэ мертвым, мертвым наверняка. Так вы мне ничего и не скажете? Во всяком случае, благодарю вас.

На этот раз шпион Фуше действительно ушел, таща свою корзину и волоча толстую палку, и скоро исчез из виду.

Луиза встала и продолжала свою прогулку, рассуждая про себя: «Я поступаю дурно, это я отлично знаю. Вот что значит выйти замуж за красивого молодца без всякого состояния, увлекающегося картежной игрой! Ну что ж, в конце концов я все-таки служу императору».

Она искренне верила в это.

IX

В это время Гранлис, так озабочивавший столько времени императорскую полицию, был уже гостем в старинном замке д'Иммармонов, имевшем очень оригинальный вид. Он был окружен рвами, окопами, соединенными между собой круглыми зубчатыми башнями. Внутри этого укрепления находились три огромные, тяжелые башни со сторожевыми постами и черневшими амбразурами для крепостных орудий. Этот древний замок выдержал не сдаваясь три осады в три разных века. Под ним находились огромные подземелья, полные всевозможных легенд и призраков. Самая древняя, северная часть грозила превратиться в развалины. Все вместе имело внушительный феодальный вид.

Во время пути от гостиницы до замка, продолжавшегося минут двадцать, в ландо не было произнесено ни слова. Гранлис, сидевший на передней скамейке, любовался пейзажем, улыбаясь иногда Иммармону и д'Отрему, скакавшим по обеим сторонам экипажа. Мать и дочь

сидели против него, полуопустив головы, в самых почтительных позах. Но иногда сквозь опущенные ресницы мелькал быстрый взгляд Изабеллы, украдкой брошенный на принца.

Экипаж въехал в длинную аллею, окаймленную столетними вязами, потом миновал каменный мост над глубоким рвом. Показался во всем своем великолепии древний замок. Гранлис залюбовался его величавым видом.

Топот лошадей вызвал эхо под тяжелыми сводами; ландо въехало на замковый двор и остановилось перед главным подъездом.

Д'Отрем и Иммармон соскочили на землю и подали руку дамам; Гранлис рассеянно вышел из экипажа, не обращая ни на кого внимания. На него часто находили такие минуты глубокой рассеянности, удивлявшие в человеке, хорошо воспитанном. Изабелла закусил губы, но ее мать, казалось, нашла это естественным, зная обычаи бывшей придворной жизни.

Все вошли в огромный зал, десять окон которого выходили на долину и извилины реки. На стенах висели большие портреты предков в железных латах, в синих и малиновых камзолах, в париках и кружевных воротниках, все они казались красивыми и имели воинственный вид.

Шедший позади Прюнге старательно запирает за собой все двери. Все молчали, вероятно не доверяя слугам, хотя те все были привезены из Англии и не понимали французского языка. Но в то смутное время все подавало повод к подозрениям.

Когда наконец они остались совершенно одни, с минуту еще царил полное молчание. Потом внезапно сцена изменилась. Перед выпрямившимся, принявшим величественный вид де Гранлисом склонились на одно колено все присутствующие, и виконтесса д'Иммармон торжественно произнесла:

– Государь, благодарю вас за великую честь, которую вы делаете нашему дому!

Гранлис протянул руку каждой из дам, ласково и величественно поднял их и сказал виконтессе:

– Сударыня, ваше гостеприимство трогает меня. Я дорожу им, как и вашей особой: вы напоминаете мне прошлое и погибших мучеников, и развалины былого... Я счастлив, что я у вас... Что касается вас, – обратился он к Изабелле, – я не могу видеть такую красавицу в подобном положении. Не вам склоняться на колени перед бедным Гранлисом, скорее ему следует стать на колени перед вами...

Взгляд Изабеллы блеснул таким огнем, перед которым едва ли мог бы кто-нибудь устоять. Иногда она бывала так ослепительно хороша, что походила на неземное видение, как, например, в эту минуту, когда ее глаза горели таким ярким блеском.

Тревога и злое чувство ревности заставили побледнеть графа д'Отрем при виде взгляда его невесты на высокого гостя. Он невольно сжал кулаки и переглянулся со своим двоюродным братом. Тот понял его волнение. Между тем оба они знали безумную любовь принца к Полине Боргезе, так как он не пожелал хранить от них свою заветную тайну. Несмотря на это, они боялись неожиданного сердечного увлечения, минутной прихоти этого наследника стольких легкомысленных монархов.

Виконтесса, не заметившая или не желавшая ничего заметить, ответила растроганным голосом:

– Государь, здесь нет более Гранлиса... Здесь законный наследник царствующего дома Франции, наш король, Божьей милостью Людовик Семнадцатый!

– Да здравствует король! – раздались три голоса, хотя осторожно пониженные.

Гранлис, или Людовик XVII, печально улыбнулся.

– Странный король! – сказал он. – Ведь его народ не знает даже о его существовании, и корона похищена у него уже два раза!

Потом он мерным шагом своих предков в Версале подошел к высокому, приготовленному для него креслу, опустился на него и королевским жестом предложил своим подданным расположиться вокруг. Он рассказал им свою баснословную историю: приготовленный графом

Фротте, преданным ему до последнего дыхания шуаном, побег из башни Тампля, которому тайно помогал Баррас по настоянию Жозефины Богарне, теперешней императрицы, и который был осуществлен супругами Симон⁵. Он был вынесен из тюрьмы, скрытый в большой корзине прачки, а его место занял бедный немой ребенок, который погиб за него. Фротте отвез его в предместье Сент-Оноре, к часовщику Борану, способному на все жертвы ради короля.

Он прожил в семействе часовщика долгие годы, униженный, никем неведомый, умышленно забываемый своими дядями, которые старались выиграть время, думая, что оно принесет забвение.

Когда шестнадцати лет от роду он предстал перед ними со всеми доказательствами своего происхождения, с душой, полной воспоминаний, с ним обошлись, как с интриганом и авантюристом, назвали его сумасшедшим и в качестве такового снова заключили его в башню Экосс, еще более непристойную, чем Тампль. Однако через двадцать месяцев его сторонники сумели вырвать его отчаянно смелой выходкой.

С тех пор он блуждал из страны в страну; из Германии в Швейцарию, оттуда в Италию, всюду преследуемый ненавистью людей, в особенности того, который уже называл себя Людовиком XVII, отвергнутый своей сестрой Марией-Терезией, ставшей герцогиней Ангулемской, которая могла стать будущей королевой, если бы Бурбоны когда-нибудь взошли на трон.

Было несколько покушений на его жизнь, и он спасся от них почти чудом. После двух из них у него до сих пор остались шрамы... Наконец, устав служить мишенью для иностранных убийц, он решился, несмотря на пример герцога Энгийского, искать убежища на собственной родине, под мундиром императорской армии, надеясь найти себе безопасность. Во всяком случае, он предпочитал Наполеона своим дядьям, ставшим его худшими врагами, его вечными палачами. Теперь его жребий брошен. Что бы ни случилось, будущее не могло быть хуже прошлого...

Принц говорил с увлечением, иногда краснея, иногда со слезами на глазах. Только имени Полины Боргезе он не произнес.

Слушавшие, знавшие отчасти его историю, приходили в негодование, слыша некоторые новые для них подробности.

– Государь, государь! – шептала иногда Изабелла.

– Да, все против меня! – продолжал Людовик XVII. – Все против моей семьи, против нашей крови, все, даже сестра! Это ужасно! Мои враги воспользовались этой легендой и моей смерти, простым газетным сообщением о ней в июне тысяча семьсот девяносто пятого года. Я более не существую, став жертвой гражданской смерти, может быть, худшей, чем действительная. В тюрьме, может быть, я умер бы скорее, но теперь мое имя вычеркнуто из истории, я уничтожен!

– Государь, но мы знаем все это, как знали это наши отцы, погибшие за королей. Когда-нибудь мы возвысим свой голос!

– Вы знаете, да, иначе не может быть. Вы, Иммармон, и вы, Прюнге, были в Тюильри и Версале первыми товарищами моего детства. Вы, виконтесса, были придворной дамой моей матери-королевы. Ваши отцы были сначала интимными друзьями при дворе, затем товарищами Шаретта и Фротте, моих лучших союзников. Бедный Фротте! Ах, если бы он был жив, если бы были живы те, другие!

– Мы заменим их, государь! – восторженно сказал д'Отрем.

– На это я надеюсь. Но времена изменились. Вступая на службу в императорский полк, я обязался честью ничего не предпринимать против Наполеона. В этом я поклялся Жозефине и сдержу свое королевское слово. Но, как мне сказала сама Жозефина, потомства у них нет... Война имеет свои случайности... Если Наполеон умрет раньше меня, тогда у меня будут раз-

⁵ Симон был одним из тюремных сторожей Тампля.

вязаны руки! Тогда я прокричу свое имя на всю Францию! И если тогда на моем пути встанут графы Прованский, Артуа или герцог Ангулемский – о, тогда, друзья мои, приготовьте свои шпаги!

Он побледнел и, встав с места, протянул руку, угрожая своим далеким врагам. Настало молчание, все примолкли.

– Странная женщина эта Жозефина!.. – задумчиво сказала виконтесса.

– Да, – улыбнулся принц. – Наполеон окружен сетями, сама императрица – может быть, бессознательно – против него. Несмотря на многие разочарования, на измены аристократов, которым она оказывала покровительство, она все-таки остается верна этой знати, к которой считает себя принадлежащей. Между населением Парижа ходят памфлеты, пущенные в ход при дворе. В армии новые начальники, новые маршалы, все честолюбивые, все жадные до наживы, все ненадежные... Вот почему я могу надеяться, что недолго ждать, пока орды будут повержены, а лилии восторжествуют! Не правда ли, друзья?

Все снова приветствовали его слова.

– Во всяком случае, я надеюсь, что на этот раз обманул полицию моих дядюшек: она не пойдет искать меня среди императорской армии, их кинжал короток, чтобы достать меня там... К тому же я буду все-таки сражаться за родину, за Францию!

Прюнже, стоявший у окна, заметил в эту минуту какого-то мальчика, вроде конюха, нерешительно разглядывавшего замок с моста и державшего какую-то бумагу в руке.

– Что надо этому человеку? Я пойду посмотрю, – сказал он.

– Что такое? – спросил Иммармон.

– Какое-нибудь извещение, курьер... Останься, я вернусь.

Минут через пять молодой граф вернулся, держа в руках запечатанное письмо.

– Дело сделано! – воскликнул он еще на пороге. – Послушайте, государь, что нам пишут: «Господа, императрица Жозефина представила сегодня утром наши прошения императору, и он назначил всех нас поручиками полка Тур д'Оверна. Нам прислали известие о назначении в гостиницу, с адъютантом его величества. Считаю приятным долгом сообщить вам об этом. Мы должны явиться к министру и ждать окончательного назначения через два месяца. Пребывание в Компьене теперь бесполезно, и мы возвратимся в Париж. В ожидании увидеть вас в новом мундире шлю свой искренний привет. Да здравствует император! Мартенсар. Господам д'Иммармону, де Гранлису и Прюнже д'Отрем, в замок Дебли».

– Дело сделано! – повторил и Людовик XVII, а затем протянул руку своим двум союзникам и горячо добавил: – Простите, друзья мои, что я против вашего желания, против ваших убеждений увлекаю вас за собой в свой неведомый путь... Простите, что я так злоупотребляю вашей преданностью, но мой род уже три столетия пользовался услугами вашего, и я сделаю то же.

– Государь, мы созданы, чтобы следовать за вами! – сказал Иммармон.

Более пылкая Изабелла горячо воскликнула:

– Подданные принадлежат своему королю душой и телом, все, без исключения, без разбора! Испытайте, государь!

Ее большие глаза горели огнем, впиваясь в этого двадцатилетнего короля, которого она надеялась, может быть, излечить от недостойной его страсти: она также знала о его любви к сестре императора.

Еще раз ее брат и кузен, считавшийся ее женихом с детства, тревожно переглянулись и отвернулись в сторону.

– В настоящую минуту, – просто ответил Людовик, – дело идет об опасностях, в которых принимают участие только мужчины.

Раздосадованная красавица сильно покраснела и отошла в сторону. Молодые люди вздохнули свободнее.

– Теперь, – продолжал Людовик, – мы должны привыкать к своему новому положению и хорошо исполнять принятые на себя роли, что, как можно заранее предвидеть, будет иногда нелегко. Покоримся! Мне уже приходилось не раз переносить неожиданные испытания со времени своего возвращения во Францию. Только что сегодня утром мне надо было слушать любезности господина Рантвиньи, шутки Мартенсара... это было при вас! Но хуже всего то, что придется казаться изменником своему собственному делу, ренегатом прошлого, как сегодня назвали всех нас; быть вынужденным выслушивать оскорбления какого-нибудь Бруслара, – знает он или нет о моем существовании? – оскорбления, которыми восхищаешься в душе, не смея подать о том вид, не смея благодарить этого человека, как бы я того желал! Сегодня, когда я слушал его слова, мое сердце замирало от радости, от гордости при виде этого храбреца, этого истинного рыцаря, а между тем я не мог, не смею броситься ему на помощь, защитить его!

– А мы-то! – воскликнул Прюнге. – Я прихожу в бешенство, когда подумаю, что этот честный малый считает нас за подлецов и негодяев.

– Прюнге, – с достоинством произнес Людовик, – настанут времена, когда все это изменится.

В эту минуту, точно достаточно было произнести для того его имя, легендарный Бруслар снова появился на сцене, правда, издали, но блестящим образом. Позади группы деревьев, в долине, раздались шум, крики, военная команда.

В зале замка все бросились к окнам, видя, что случилось что-то необыкновенное. Они увидели всадника, за которым гнались двадцать других. Несмотря на расстояние, зоркие глаза молодых людей сейчас же узнали преследуемого, и все они разом вскрикнули:

– Это он! Это Бруслар!

– За ним гонятся жандармы! – добавил Иммармон.

– Так-так! Пусть гонятся собаки – кабан хорош! – воскликнул Людовик, наклонившись с балкона, причем его глаза заблестели, как при виде интересной охоты, и он улыбался.

– Государь, – печально сказала виконтесса, – если бы побольше было таких кабанов, то вы сохранили бы свои владения.

– Я знаю, – живо сказал принц, – и поверьте...

Он замолк, увлеченный представившимся зрелищем. Было очевидно, что лошадь у Бруслара была много лучше, чем у жандармов, и, если бы не встретилось какого-нибудь препятствия, перерезавшего ему путь, он, конечно, должен был бы уйти от них. Бруслар сам понимал это и, верный себе, только забавлялся погоней. Он поддерживал равное расстояние между собой и преследователями, но его лошадь оставалась свежей, не вспотевшей, а полицейские кони уже задыхались под ударами шпор, покрытые потом и пеной; несколько раз Бруслар оглядывался, чтобы подразнить скакавшую за ним свору.

Командовавший отрядом воспользовался потерянными Брусларом минутами, чтобы пустить в него пулю из пистолета, но та просвистела над его шляпой.

Тогда Бруслар отряхнулся, как мокрая собака, разразился громким смехом и несколькими скачками далеко опередил жандармов, не дожидаясь вторичного выстрела.

– Bravo! – восторженно крикнула Изабелла.

– Тише! – остановил ее брат. – Голос может долететь туда. Душой мы за него, наружно – за его врагов! Так нужно!

– Да, – сказал принц, – это новое испытание.

Бруслар мчался дальше, как вдруг его тайные друзья увидели, что он разом остановил лошадь так внезапно, что она осела на задние ноги.

– Черт возьми! – проворчал дальнзоркий Прюнге. – Еще жандармы впереди! Его окружают!

У безмолвных зрителей сжалось сердце, они всей душой стремились к одинокому, окруженному врагами шуану, который снова пустился скакать.

Вдруг он решительно и смело повернул направо к старинной стене, окружавшей границы замковых владений. С внешней стороны она осыпалась от времени в течение веков и была высотой не более двух аршин, но с внутренней сохранила свою первоначальную высоту, около двух сажен. Все содрогнулись, видя, что Бруслар направился в эту сторону, не подозревая громадного обрыва по ту сторону, замаскированного извне осыпавшейся частью стены. Если он рискнет сделать скачок, то может разбиться вместе с лошадей, тем более что по эту сторону стены земля была выложена каменными плитами.

Между тем беззаботный Бруслар приближался, полный смелости и отваги...

Поощряя свою лошадь голосом, рукой и коленями, он заставил ее сделать страшный скачок; она перепрыгнула стену и, к ужасу зрителей, скользнула всеми четырьмя копытами по каменным плитам, на которых ее железные подковы оставили глубокие полосы.

Бруслар, откинувшись назад, не шевельнулся в седле. Он осмотрелся и поскакал дальше, как будто этот безумный прыжок был просто детской забавой, углубляясь под сень деревьев все тем же быстрым галопом.

– Каков результат? – спросил отвернувшийся было от окна принц.

К своему удивлению, он увидел, что Иммармон и Прюнже исчезли.

– Они откроют ему заднюю дверь, в лес, – задыхаясь, сообщила ему Изабелла, еще более прекрасная в своем волнении. – Вот какое несчастье быть женщиной! – вскричала она, ломая руки.

Заметив, что Людовик любит ее, она улыбнулась ему и снова бросила на него пылающий взгляд.

К стене, которую только что перескочил Бруслар, подъехали в эту минуту и жандармы. Один из них слез с лошади, взобрался на стену и сделал гримасу при виде обрыва, а затем, обернувшись к товарищам, громко сказал им:

– Это не человек, а дьявол! По ту сторону почти шесть метров, – он преувеличил, – а он все-таки исчез!

Подпоручик, командовавший отрядом, выбранился. В это время подъехал второй отряд жандармов, и началось оживленное совещание. Затем оба отряда, соединившись, направились к главному въезду в замок. Он был заперт; массивные ворота преграждали доступ на каменный мост. Жандармы стали кричать, стуча своими саблями в ворота:

– Именем закона! Именем императора!

Наконец тяжелые половинки ворот медленно растворились. Между тем на другом конце зала виконтесса д'Иммармон, смотревшая в окно, выходившее на запад, тихо позвала:

– Государь! Изабелла! Посмотрите, идите сюда!

Те поспешно подошли: далеко за стенами замка скакал всадник, свободный как ветер, мчавшийся к густому лесу, где скрыться было уже легко. Это был Бруслар.

Жандармы с шумом въехали во двор. Хозяин дома д'Иммармон и его кузен граф д'Отрем встретили их на подъезде замка с довольно высокомерным, удивленным видом.

– Чему мы обязаны честью вашего посещения? – спросил офицера виконт д'Иммармон.

– К вам вошел изменник, где он?

– Мы никого не видали, – спокойно ответил тот. – Где он вошел, откуда? Не понимаю, что вы хотите сказать. Я вижу тут только вас и ваших людей, присутствие которых удивляет меня.

Раздосадованный офицер, видя, что он теряет время, а с ним и след беглеца, забыл вежливость:

– Прежде всего кто вы сами? Я имею право спрашивать, – сказал он. – Какой-нибудь эмигрант, вероятно?

– Осторожнее! – остановил его Прюнже. – Вы заходите слишком далеко.

– Кто вы такие? Что это за местность? – повторил тот, сдерживая свою горячившуюся лошадь.

– Вы находитесь в моем замке Депли, я – виконт д'Иммармон. А это мой кузен, граф Прюнже д'Отрем. Достаточно вам этого?

– Нет!

– Тогда я прибавлю наше звание: мы оба поручики благородного полка Тур д'Оверна. Жандарм, видя перед собой старших чинов, должен был сдаться.

– Пусть так, господа, я вам верю, – поклонился он, переменяя свой прежний тон. – Если вы офицеры императора, я могу сказать вам, что мы преследуем Бруслара... Голова этого дерзкого шуана оценена. Он скрылся у вас; хотя вы этого не видели, но мы-то знаем это. Долг каждого доброго подданного облегчить нашу задачу. Разрешите обыскать ваш парк, кусты и заросли.

– Сделайте одолжение! – спокойно сказал Иммармон. – Но здесь так много выходов... Если здесь и был Бруслар, то теперь он, конечно, уже далеко.

– Это мы увидим! – резко сказал офицер.

Целый час жандармы обыскивали кусты, но не нашли никого, хотя видели пять или шесть ворот, которые могли служить для бегства; офицер, отчаявшись в успехе, собрал наконец свой отряд и уехал рассерженный, не простившись с хозяевами.

– Императору пришла блажная идея давать места этим птицам, – ворчал он дорогой. – Все они каналы, и ничего больше!

Он был не совсем не прав.

Молодые люди, возвращаясь в зал к принцу, обменивались мыслями.

– Право, император дал нам сегодня утром хороший козырь в руки, – сказал д'Отрем, – не знаю, как нам удалось бы без него отделаться от этой злой собаки... А каковы были бы последствия домашнего обыска? Заподозрили бы нашего Гранлиса, подвергли бы его, пожалуй, допросу. Этот господин, может быть, не оказался бы таким сговорчивым, как Фуше, и тогда...

– Мы должны еще поставить свечку Мартенсару, который прислал нам известие о назначении, – ответил Прюнже, – без него у нас не оказалось бы этого оружия.

– Это верно, – рассмеялся виконт.

Но граф опустил голову и глубоко вздохнул.

– Что с тобой? – удивился его кузен.

– Мне пришло в голову, друг мой, что мы еще только четыре часа состоим офицерами императора и уже изменили ему...

– Что же делать? – нахмурился Иммармон. – В этом виноваты обстоятельства, а не мы...

Когда они вошли в зал, принц Людовик сидел между обеими дамами и оживленно говорил с ними.

– Мы видели, – произнес он, обращаясь к ним, – он спасен, не правда ли? Благодарю вас! Он узнал вас! Это удивило его!..

– Не думаю, чтобы он узнал нас, – сказал виконт, – не успел вероятно... Когда мы подошли, он стоял перед воротами, спешившись, напрасно стараясь выломать их, дрожа от нетерпения. Я прошел вперед и отпер их ключом. Бруслар, глядя на нас, вскочил в седло и крикнул нам: «Спасибо, добрые люди, не бойтесь, никто не узнает об этом!» – и умчался, как ветер.

– Да сохранит его Бог! – с чувством сказал принц.

В это время новое происшествие, замеченное через окно зала, обратило на себя внимание присутствующих.

Вдали показался легкий плетеный шарабан, запряженный серым пони, которого гнал крупной рысью кучер в ливрее. В легком экипаже сидела молодая женщина в токе с перьями; она склонилась вперед и криком поощряла и без того слишком быстрый бег лошади, которая скакала беспорядочным галопом, увлекая за собой слишком легкий экипаж, скакавший и подпрыгивавший при этой безумной езде.

– Диана! – воскликнул виконт взволнованным голосом и, обернувшись к принцу, пояснил: – Маркиза Диана д’Этиоль, яркая роялистка, вдова убежденного заговорщика, убитого в Кибероне, наша родственница по своей собственной семье; она из рода Ларшанов, которые все погибли на эшафоте.

– Кажется, она направляется сюда, – проговорила Изабелла.

– О нет, это невозможно! – возразила виконтесса. – Она презирует нас и отказалась от родства с нами с тех пор, как считает нас примирившимися с императором... О, это кажущееся примирение.

– Какая ложь, какая несправедливость! – вздохнул принц. – Бедные друзья, сколько вы уже переносите из-за меня!..

– Да, она едет сюда, к замку, – подтвердил Прюнге. – Ну, государь, берегитесь! Это – экзальтированная, восторженная женщина, она не способна хранить тайну. Не выдайте себя ей, государь, она упадет к вашим ногам, потом побежит к себе, вот туда, где виднеются между деревьями остроконечные кровли, велит ударить в набат, соберет крестьян, раздаст им оружие и поведет их на Компьенский замок с криком: «Да здравствует король!».

– Неужели она имеет такое влияние? – спросил заинтересованный Людовик, удивленный его словами.

– Да, благодаря своей красоте, пылкости и красноречию. Это – женщина старого времени, эпохи Лиги или Фронды, это – героиня, но героиня несносная, созданная для помехи лучшему делу. Она всегда действует порывами, всегда по-своему. Ее тридцать лет не сделали ее умнее.

Слушая слова своего друга, виконт опустил голову, как будто они были неприятны ему. Можно было подумать, что молодая вдова маркиза не была безразлична двадцатитрехлетнему виконту.

Задумавшаяся Изабелла, казалось, погрузилась в мечты...

Между нею и Дианой не было особенной симпатии. Брюнетка с голубыми глазами не могла любить черноокою блондинку. Но, насколько они различались физически, настолько походили одна на другую с нравственной стороны: обе были честолюбивы, кокетливы, горды, обе презирали низших. Это был чистейший тип эмигранток, считавших, что они оказывают Франции большую честь, удостоив вернуться туда со всей своей ненавистью и злобой, которую они даже не трудились скрывать.

– Она, конечно, снова является упрекать нас за измену, – мрачно сказала виконтесса. – Государь, будьте готовы заранее к тому, что, не зная вас, она предаст и вас своей общей анафеме: одно уже ваше присутствие здесь осуждает вас в ее глазах, и ваше терпение подвергнется большому испытанию. Но мы еще раз предупреждаем вас, что довериться ей – значит погубить всех нас.

– Возможно, – слабо согласился Иммармон.

Слово было за Изабеллой, и она грубо, не выбирая выражений, произнесла:

– Я лучше желала бы видеть ее среди наших врагов, но не здесь, между нами. Поклявшись ей, что она прекрасна, ее можно заставить снять свою рубашку и сказать все, что она знает. Со своими любовниками у нее нет тайн: перед ними она обнажена душой так же, как и телом.

Послышались негодующие возгласы.

– Изабелла! – воскликнула сконфуженная виконтесса.

– Сестра! – остановил ее побледневший виконт с выражением упрека.

Прюнге, казалось, был возмущен.

Людовик XVII был удивлен; несмотря на то что итальянская принцесса приучила его к свободным выражениям, все же такая смелость поражала в такой молодой и красивой девушке.

Между тем маркиза Диана д’Этиоль, въехавшая во двор замка, вышла из экипажа и, нервно подбирая платье, поднималась по лестнице. Растрепанные ветром белокурые пряди

волос нависли на ее глаза, которые ярко горели; казалось, она была в величайшем волнении. Остановившись на пороге, ни с кем не здороваясь, она громко крикнула:

– Где он?

Никто не ответил ей, делая удивленный вид.

– Где Бруслар? – крикнула она еще громче.

Изабелла церемонно подошла к ней и сделала реверанс.

– Здравствуйте, маркиза! Как вы поживаете? – насмешливо спросила она. – Какой добрый ветер занес вас сюда?

– Я знаю, что он скрылся у вас в парке, мне сказали это... За ним сюда же въехали жандармы... Он выехал от меня... Он схвачен? Отвечайте! Я так страдаю, вы видите...

– Так вы очень любите его? – мрачно спросил Жак д'Иммармон.

– Да, я люблю его, – пылко ответила Диана, – люблю, как истинного героя чести и храбрости!

– Будьте счастливы! – горько сказал виконт. – Он теперь далеко, если все еще продолжает скакать.

– Благодарю, Жак, – томно сказала она, – благодарю, несмотря ни на что, несмотря на ваши преступления...

– Диана! – с упреком сказала виконтесса. – Вы пришли оскорблять нас?

– Полно! – презрительно сказала Изабелла, – что упало, то разбилось, не стоит подбирать куски.

Не обращая на нее внимания, маркиза окинула присутствующих беглым взглядом и продолжала:

– Так, значит, это правда?.. Я не хотела верить, когда Бруслар сказал мне... Сегодня утром в гостинице вы, благородные потомки знатнейших фамилий, вы продались, нанялись, и кому?! Вы прославляли Бонапарта, вы кричали «Да здравствует император!». – Она обратилась к принцу: – И вы, господин «не знаю кто», вы тоже были там! Одно это ваше присутствие доказывает, что и вы – изменник!

– Господин де Гранлис, – поспешил назвать виконт.

– С чем и поздравляю; тогда все понятно. Гранлис? Такой фамилии я не знаю; во Франции нет дворян такого имени, оно вымышлено, комедиантское, вероятно скрывавшее какого-нибудь шпиона узурпатора, посланного соблазнять других... И это удастся, даже здесь у Иммармонов, даже с Прюнге! Какие времена! Счастливы те, кто умер! Кровь мучеников, бог даст, когда-нибудь задушит вас, ренегатов.

Принц не спускал взора с горячившейся женщины и в глубоком волнении крепко сжал руки. Причина этого была понятна: маркиза Диана походила как две капли воды на принцессу Полину Боргезе; у нее были те же манеры, те же жесты, та же страстность и пылкость, даже тот же звук голоса, та же прелесть, с той лишь разницей, что она была на несколько лет старше. Она оскорбляла его, а он был в восхищении; она выражала презрение – странно! – но за это он еще более уважал ее; она готова была ударить его – он желал бы обнять ее.

– Вы молчите, вам нечего сказать? – продолжала маркиза. – А впрочем, что мне за дело до вас! Может быть, это – ваше ремесло, как и всякое другое в настоящее смутное время, когда торжествует порок, когда поправаны все права! Это – дело ваше и не касается меня... Отомстите мне, если можете!.. Я говорю тем, чья кровь течет в моих жилах, то есть, Иммармону, Прюнге! Вы, говорят, офицеры императора? Значит, вашему знатному роду конец, и я благодарю вас за это. Бог даст, вас убьют в первой стычке, и судьба избавит Францию от ваших детей. Имея таких отцов, каковы бы были они? До свидания, кузены, кузины! Если когда-нибудь воскреснут славные битвы, будет борьба кругом Компьенского замка, о, тогда... тогда вы заплещете, господа, а я заплачу за музыку!

– А пока попрыгайте вы! – бросила ей Изабелла, с яростью следя за восхищением принца.

Уходившая уже маркиза грозно обернулась:

– А ты, негодная, ты получишь кнут!

Не дав времени ответить, Диана подобрала платье и, гордо подняв голову, вышла, сильно хлопнув дверями.

Виконтесса, ее сын и племянник переглянулись, Изабелла рванулась вперед, как раненая львица. Принц казался удрученным. Он неверными шагами подошел к креслу и опустился в него, закрыв лицо руками.

– Она очаровательна, прелестна! – бормотал он. – Как она похожа на... Я не в состоянии переносить, что такая красавица презирает меня, не знает, кто я...

Для него, как и для его прадеда Людовика XIV, женщины представляли весь интерес жизни.

Х

В начале августа парижские газеты известили о прибытии ее императорского высочества принцессы Полины Боргезе, героини Гвастилла. Она остановилась со своей свитой у своей сестры Каролины, в Елисейском дворце. Муж не сопровождал ее.

Гранлис был в восторге, ожидая исполнения всех своих надежд. В это время он забыл все заботы о своем потерянном троне, о непризнанном величии, они отошли у него на второй план. Безумно влюбленный, он совершал тысячи неосторожностей.

Так, он осмелился явиться в Елисейский дворец в первый же вечер, на парадный прием, когда его божество было окружено тесной толпой придворных, явившихся на поклон.

Полина была и довольна этим, восхищаясь его смелостью, и разгневана, боясь последствий. Поэтому она сделала вид, что встречала этого дворянина в Италии, среди товарищей своего мужа, принца Камилла. Впрочем, никто не обратил на это особого внимания, так как общество было довольно смешанное.

Людовик пошел дальше: когда Полина проходила мимо него, он ловко и незаметно передал ей сложенную записку.

Она была поражена; это могло погубить их обоих или, по крайней мере, дать обильную пищу злословию. Но она спрятала записку, оставив до более удобного случая желание излить свой гнев на слишком смелого поклонника.

Оставшись одна, она прочла записку. Гранлис умолял ее немедленно назначить ему свидание, послав это известие в надежное место, к часовщику Борану, в предместье Сент-Оноре, на углу переулка Мо-Вестус.

Полина сначала решила не отвечать, чтобы наказать его; но следующим утром она написала ему ответ и послала с итальянской прислужницей, очень смышленной и преданной.

Просто одетая женщина спокойно пошла по улице, глядя на номера домов, не возбуждая ничьего подозрения. В лавке Борана ее встретила Рене; осторожно осмотревшись, итальянка вынула письмо из-за корсажа и вручила его ей, говоря:

– Господину Гранлису, синьора!

– Да, я знаю, – вздохнула девушка, – он сейчас придет.

Итальянка ушла, довольная исполненным поручением.

Рене уже отчасти знала, в чем дело. Принц, часто посещавший лавочку Борана, служившую ему почтой «до востребования», недолго сумел скрывать свой роман, хотя, чтобы не тревожить еще более добрых людей, не сказал им о положении и имени своей героини. Боран и его дочь думали, что это – какая-нибудь знатная дама, и несколько не удивлялись, что он не открыл им ее имени. У бедной Рене при известии об этой интриге, к собственному удивлению, больно сжалось сердце. Однако разум скоро взял верх: какое право имела на этого принца она – самая скромная, самая последняя из его подданных? Сама мысль о любви к нему казалась ей

чудовищным преступлением, святотатством, и она дала себе клятву изгнать навсегда из своего сердца эти дерзкие мысли.

Но не так-то легко справиться с сердцем, и часто бедная девушка ловила себя на тех же предосудительных мечтах. Она страдала, плакала, бледнела... Ее отец приписывал все это тревогам за принца, подвергавшегося в Париже всевозможным опасностям.

Вследствие этого и теперь, получив это письмо, встревожилась не одна Рене, а весь дом! Даже толстая Жанна вздыхала:

– Что-то с ним, с нашим королем?

Людовик пришел через полчаса и еще с порога крикнул:

– Ну что, принесли?

Рене молча подала ему бледно-голубой, сильно надушенный конверт. Гранлис вскрыл конверт и прочитал письмо. Его лицо просияло огромной радостью и гордостью, глаза заблестели. Он спрятал листок у себя на груди и обратился к присутствующим:

– Друзья мои, хорошие новости: я – офицер императора. Живу я теперь в Сен-Жерменском предместье, на углу улиц Дю-Бак и Вавилонской, в маленьком, хорошо обставленном домике, с двумя ходами. Если когда-нибудь придет ко мне спешное известие, то надо доставить его мне туда. Самое лучшее будет, если это сделает Рене. Если кто-нибудь увидит ее входящей ко мне, то ее скорее сочтут за мою возлюбленную, чем за политического агента. Не правда ли, малютка?

Он рассмеялся при этой мысли, но Рене было не до смеха, и она лишь молчаливым кивком головы согласилась на его лестное доверие.

Принц простился со своими друзьями и поспешно вышел. Дорогой он весело напевал от избытка радостного чувства.

Как только за принцем закрылась дверь, новый посетитель с шумом вошел в лавочку часовщика.

– Здравствуйте, – сказал он, – вот и я!

Боран побледнел и с трудом сдержал видимую досаду.

– Мое посещение вам не нравится? Я угадываю почему, – насмешливо сказал гость, – вы охладели, Боран.

– Шевалье Бруслар, – тихо возразил часовщик, – я не охладел, но вы все такой же легкомысленный. Вы не даете себе труда подать условленный сигнал и врываетесь неожиданно, как ветер...

– Будет, – сказал Бруслар, – каждому своя судьба. Мой последний день предопределен свыше, и его ничто не изменит... Письма у вас есть?

– Нет!

– Успокойтесь, я уйду.

Боран, видимо, облегченно вздохнул.

– Видите, как вы довольны, что я уйду! – заметив это, произнес Бруслар. – Я для вас опасен, и это беспокоит вас... Конечно, вы старитесь и имеете право на спокойствие. Но я думаю, что у вас дурные знакомства. Вот, например, этот молодец, который только что вышел от вас, я знаю его. Я видел его в Компьене и слышал, как он кричал: «Да здравствует император!» И он еще называется благородным... Его имя Гранлис, то есть «великая лилия», а, по моему, скорее – великая свинья! Вероятно, это сыщик, и если он попадет в мои руки – пусть побережет тогда свою шкуру!

Негодующие, испуганные возгласы были ответом на его слова, но Бруслар не дал Борану времени для ответа, пожал плечами, бросил на всех презрительный взгляд и вышел, громко хлопнув дверьми и крича во все горло, не обращая внимания на прохожих:

– Все они такие! Все, все!

Он быстрыми шагами пошел по улице, так что полы его платья раздувались по ветру. Вдруг он остановился и сделал брезгливую гримасу.

Недалеко от него стоял у окна модного магазина Гранлис, на которого загляделись оттуда две хорошенькие продавщицы.

Бруслар спрятался в углубление дверей и наблюдал, рассуждая сам с собой:

– Раз ты тут, я не выпущу тебя. Это перст Провидения – Бог предает тебя в мои руки, и я принимаю этот подарок.

Наконец Гранлис небрежной походкой пошел дальше. В то время улица в предместье Сент-Оноре представляла собой узкую, извилистую дорогу, которая к тому же была сильно запружена экипажами, тележками, одноколками, наводнявшими ее. В особенности около полудня здесь тянулась непрерывная вереница ручных тележек мелких торговцев, вокруг которых толпились суетливые хозяйки, что еще более затрудняло движение по ней.

В этом хаосе Бруслар, следивший за Гранлисом, потерял его из виду. Его забавляло это преследование, напоминавшее доброе старое время, времена генерала Фротте... Ему казалось, что он преследует «синего» на своей родине, в Нормандии; только дома заменяли здесь кусты, а ручные тележки – молодые рощицы...

Этот человек, преследуемый сам, подвергавшийся опасности был взятым за горло первым попавшимся полицейским, находил огромное удовольствие следить за молодцом, которого он считал ренегатом, врагом королевства, шпионом узурпатора. Нельзя же было заподозрить его, Бруслара, в этом грубом буржуа, расталкивавшем локтями народ, поднимавшем палку над становившимися на его дороге, казалось, занимавшем всю ширину улицы своей массивной фигурой. Выдать его могла только его чудесная, черная как смоль борода, с которой он никогда не хотел расстаться и которой гордился, она одна обращала на себя внимание и представляла для него наибольшую опасность. Но Бруслар не обращал на это внимания, взяв себе за правило, что, чем больше производишь шума, тем меньше навлечешь на себя подозрений.

Таким образом он шел следом за Гранлисом. Молодые работницы и швейки оглядывались по два раза на их пути: сначала, чтобы взглянуть еще раз на изящного блондина, весело улыбавшегося им, показывая свои белые зубы, а вторично – чтобы разглядеть получше, почти со страхом, этого огромного смуглого молодца, похожего на хищного зверя, сильного, могучего и мрачного!

Так, друг за другом, они дошли до Пале-Рояля. Несмотря на вред, причиненный ему революцией, это здание все еще представляло собой центр парижского шума и движения.

Конечно, эта местность сильно изменилась в последнее время, после необыкновенной роскоши герцогов Орлеанских, но все-таки в 1806 году Пале-Рояль оставался огромным базаром всевозможных увеселений: игорных домов, притонов всех категорий, где царили дорогие куртизанки и дешевые ночные феи для бедных студентов; тут же, выходя и на соседние улицы, помещались всевозможные рестораны. Здесь же продавались разные животные, пестрые южные птицы, крикливые попугаи, лаявшие в своих клетках собаки. Все вместе производило невероятный шум и гам. Продавцы разных лавок громко зазывали покупателей. В подземных гrotтах играла музыка, плясали обнаженные «нимфы».

Все это было переполнено шумной толпой разнообразного люда, где перемешались все национальности, все партии, без различия политической окраски. Здесь можно было видеть множество офицеров, проигравших в какой-нибудь час все свое состояние – цену многих битв и ран. Пале-Рояль с утра был всегда переполнен публикой, а вечером сиял тысячью огней, на которые, как мухи, летели посетители.

Гранлис вошел туда торопливым шагом, как человек, спешащий на свидание. К нему подошла хорошенькая цветочница, предлагая свой товар; он остановился пошутить с ней. Бруслар остановился тоже, свирепо наблюдая за ним.

– Так-так! – закричал он. – Ухаживают за девушками, нюхают цветочки, наслаждаются жизнью!.. Погодите! Сделай-ка путь между Канном и Валонью, я тебе всажу пулю в лоб, несмотря на твои прекрасные двадцать лет!..

Поблизости оказался Рантвиньи; поймав Гранлиса в его ухаживании за цветочницей, он присоединился к нему и принял участие в болтовне.

– Господин Гранлис, вы, как и я, любите все, что красиво где бы это ни было! – насмешливо сказал он. – Черт возьми, вы правы! А ты, плутовка, чем загля свои глазенки?

– Адским пламенем! В них горят все чертенята!

– Ах ты, бесенок, бесенок! Настоящая дочь Парижа!

Наконец молодые люди пошли дальше, взяв цветов и сунув экую в руку хорошенькой цветочницы.

Бруслар не последовал за ними, он, махнув рукой, скрылся в толпе.

– Не к чему идти за ними, – проворчал он, – теперь я ничего не могу сделать, пока... Он ничего не потеряет от ожидания... Придет мое время!..

Утешая себя надеждами на будущее за неудачи настоящего, он отказался от преследования.

Перед кафе «Шартр», за круглым столом, уставленным разноцветными бутылками, сидели на желтых стульях несколько молодых людей. Между ними были граф де Тэ, все еще в трауре, граф де Новар, маркиз Невантер, Мартенсар, Микеле де Марш и д'Орсимон.

При виде Гранлиса и Рантвиньи они встали и церемонно раскланялись, прибывшие сели за тот же стол, и Рантвиньи сказал:

– Господа, я только что из министерства; дело решено, наше назначение подписано. Начало нашей службы будет считаться с первого сентября, но мы имеем право немедленно надеть мундир установленного образца.

Последние слова возбудили общий восторг, и все молчаливо и внимательно слушали описание новой формы, сделанное Рантвиньи: белый мундир с красными отворотами, треуголка с золотыми шнурами и императорской кокардой и шпага, главное, шпага!

– Недурно! – весело воскликнул Орсимон.

– Скажи – великолепно! – подтвердил Мартенсар. – Мы все будем восхитительны в таком наряде!

Все весело смеялись, представляя себе эффект, который произведет их новый мундир на прекрасных дам. Только Эдмонд де Тэ, не увлекаясь тщеславными мечтами, оставался по-прежнему задумчивым и, узнав о последнем распоряжении, встал с места и простился. Гранлис последовал его примеру, попросив сообщить Иммармону и Прюнге, что он был, и ушел без всяких дальнейших объяснений.

Оставшиеся продолжали разговор.

– Какой странный наш Гранлис! – заметил Микеле де Марш. – Это живая тайна. Он всегда точно витает в облаках, а когда просит – точно приказывает. Кто он, однако? Кто знает его происхождение, его семейство и род?

– Хотя бы он происходил по прямой линии от самого Юпитера, все-таки это не причина так держать себя, – заметил Мартенсар.

– Конечно, – согласился Орсимон. – Вы слышали его поручение к Иммармону и Прюнге? И здесь, в Париже, как в Компьене, он обращается с ними, как с лакеями... просто смех!

– Ну, это их вина, – отозвался Новар, – они сами обращаются с ним как с господином, вот что удивляет меня. Ведь они сами достаточно богаты и знатны. Вот поэтому-то я думаю, что здесь есть что-то, чего мы не знаем.

– Если он сдержан с мужчинами, – вступился Рантвиньи, – то с женщинами наоборот, хотя бы с самыми простыми. Я сейчас видел, как он очень усердно любезничал с цветочницей

в трех шагах отсюда. Я вовсе не осуждаю его, потому что и сам делаю то же: я люблю красивых девушек, всяких!

Компания, не стесняемая присутствием мрачного де Тэ, чопорного Гранлиса, Прюнже и Иммармона, развеселилась со всей непринужденностью молодых, только что произведенных офицеров.

Скоро подошли и два кузена, Иммармон и Прюнже, и немедленно справились о Гранлисе. Узнав, что он ушел неизвестно куда, они, казалось, были поражены, многозначительно переглянулись, рассеянно выслушали известие о назначении и о новой форме и, почти не пропустившись, поспешно устремились в ту сторону, куда скрылся их товарищ.

– Ну что? – подмигнул Мартенсар, когда они отошли. – Точно две кормилицы, которые потеряли своего сосунка!

Общий смех встретил это оригинальное сравнение.

Между тем Гранлис в обществе де Тэ шел по галереям Пале-Рояля. Его спутник шел молча, не начиная разговора.

Веселые продавщицы, сомнительные золотошвейки или модистки напрасно бросали вызывающие взгляды на двух красивых молодых людей: один не замечал их, другой стеснялся молчаливого спутника.

С первой же встречи личность Эдмонда де Тэ князя де Груа привлекала и интересовала принца. Он мечтал о том, чтобы подружиться с ним, открыть ему свою тайну, приобрести и его доверие.

Нервный и впечатлительный принц, желая добиться исполнения какого-нибудь своего желания, был способен на всякую неосторожность, на всякую рискованную выходку. Так было и на этот раз.

До самого кафе «Режанс», находившегося тогда напротив того места, где оно и теперь, обескураженный принц напрасно старался обратить на себя внимание своего мрачного, молчаливого спутника, и это немало раздражало его. Перед входом в кафе де Тэ приостановился и с глубоким вздохом снял свою шляпу. Из сочувствия к нему Гранлис сделал то же. Тогда бретонец заметил наконец его присутствие и тихо сказал:

– Вы правы, что обнажили голову, – хотя, конечно, вы сделали это из вежливости, не зная почему... Здесь, на этом месте, двенадцать лет тому назад, во времена проклятого террора, произошло одно историческое происшествие, которое касалось моего отца и моей матери.

– Позвольте мне, у кого отец и мать пошли на эшафот, попросить у вас объяснения? – обратился к нему принц.

– А, ваш отец и мать?... Бедный мальчик! Какое это было страшное, жестокое время! – сказал де Тэ.

«Бедный мальчик!» Принц покраснел от такого обращения, но Эдмонд де Тэ не заметил этого и продолжал говорить тихо, как бы сам с собой:

– Да, это было тогда, когда тележки осужденных проезжали здесь каждое утро к эшафоту... Здесь, в этом самом кафе... Вы знаете, здесь собирались любители шахматной игры, начиная с Вольтера, Руссо, Дидро, кончая Наполеоном. Робеспьер также приходил сюда. Он часто сидел один, так как немногие осмеливались играть с таким партнером, как он. Если кто-нибудь и находился, то, конечно, Робеспьер всегда выигрывал, но не столько благодаря умению, как благодаря внушаемому им страху. Однажды вечером, когда партнера не находилось, в кафе вошел молодой человек небольшого роста, с красивым женственным лицом и смело занял место за шахматным столом. Молча подвинул он первую фигуру на шахматной доске. Робеспьер сделал то же, и партия началась. Молодой человек выиграл. Робеспьер просил и получил реванш. Но молодой человек выиграл опять. Его партнер кусал ногти с досады, однако признал свое поражение и спросил цену проигрыша, которая не была обусловлена. «Голова человека, – сказал молодой человек, – я выиграл ее... Плати скорее: завтра она уже будет в руках палача».

Он вынул из кармана заранее приготовленный приказ об освобождении графа Оливье де Тэ, заключенного в Консьержери. Там недоставало только подписи. Не говоря ни слова, Робеспьер подписал приказ, отдал бумагу и спросил: «Кто же ты, гражданин?» – «Скажи – гражданка! Я женщина, графиня де Тэ. Я спасла своего мужа. Спасибо и прощай!» Эта женщина была моя мать, ее призраку поклоняюсь я, проходя мимо этого кафе... Ах, кто мог предвидеть тогда весь позор, весь ужас будущего!.. Однако зачем я рассказал вам все это? Иногда воспоминания требуют исхода, должны излиться перед кем бы то ни было, хотя бы то был первый встречный.

Задетый еще раз, Гранлис потерял терпение. Он чувствовал жгучую потребность разыграть короля, смыть полученное унижение, удивить и поразить. Ему хотелось поставить на должное место слишком смелого подданного, не сумевшего угадать скрытое от него божество. Он выпрямился, принял величественный вид, подражая Генриху IV в Лувре, Людовику XIV в Версале, и надменно обратился к графу:

– Ваша история занимательна и делает вам честь, но вы забыли вывести из нее мораль. Поступок вашей матери еще раз доказывает, что благородные, знатные люди умели действовать и торжествовать над несчастьями; но воинственная знать – ведь это такое жалкое меньшинство. Слово «аристократ» чаще означает человека наглого, дерзкого, самоуверенного, признающего только свои права и презирающего весь остальной мир...

– Господин де Гранлис, так может говорить только человек низкого происхождения.

Принц разразился громким, несколько искусственным смехом:

– Это вы говорите мне, бретонский графчик? Ну так знайте, что ваши знатные предки низко кланялись моим в продолжение целых веков и едва ли их замечали среди множества других придворных...

– В самом деле? Кто же вы такой? – гневно спросил де Тэ.

Проходивший мимо работник остановился в трех шагах от них, обернувшись к ним спиной, разглядывая выставку ювелира, но чутко прислушиваясь к разговору. Не обращая на него внимания, принц с высоко поднятой головой и пылающим взором громко произнес:

– Бретонец! Я сын королей, которым служили твои предки! Последуешь ли ты за мной? Эдмонд де Тэ побледнел и, пристально глядя на принца, медленно обнажил голову.

– Государь!.. Это правда... я должен был догадаться... Я знаю вашу историю... Теперь я понимаю Иммармона и Прюнге, понимаю все... Если бы моя жизнь принадлежала мне – я отдал бы ее вам! Когда-нибудь вы... вы также узнаете все... Все равно! Да, я следую за вами!

Работник с рассеянным видом, засунув руки в карманы, пошел прочь, рассуждая про себя:

«Однако наш маленький король охотно рассказывает про свои дела. Его история становится секретом полишинеля, сколько людей уже знают его! Ну а мой милейший де Тэ оставил, должно быть, и память, и свой здравый смысл на ферме Аустерлица. Он держит себя так, точно ни в чем не виноват... А может быть, Фуше прав, что существуют не одни графы де Тэ? Это возможно, но не доказано... Во всяком случае, не зевай, Кантекор, это будет самое лучшее».

В это время шедшие навстречу граф Жан д'Отрем и виконт Жак Иммармон заметили принца и поторопились к нему.

– Господа, – сказал тот, не отвечая на их поклон, – вот граф де Тэ теперь наш: я все открыл ему.

Оба кузена нахмурились и разом покраснели, но низко поклонились. Затем Иммармон тихо спросил принца, не отвечая на его заявление:

– Ваше приказание, государь?

– Никаких на сегодня. Я не нуждаюсь в ваших услугах, хочу быть свободен, – ответил принц.

– Но... – начал было Прюнге.

– Никаких! – оборвал его принц. – Я сказал.

Он пошел прочь, уводя с собой де Тэ, своего нового любимца, уже неблагодарно отдаляясь от своих лучших союзников. В глубине души он был недоволен ими обоими за то, что оба они, брат и жених, поспешили удалить его, по возможности, из замка Дебли, от близкого соседства с увлекающейся Изабеллой. Он не хотел простить им, что они усомнились в его честности относительно красивой девушки, а главное, заподозрили его в измене своей богине, несравненной Полине Боргезе.

«Одна она, никто более!» Это было девизом Людовика, и он вырезал его на своей печати, которую всегда носил при себе. Впоследствии некоторые наивные солдаты вообразили, что эти слова относились к его короне... Увы, король думал не о ней! Удаляясь от Иммармона и Прюнге, он искал свободы, необходимой ему теперь, когда приехала в Париж Полина. Хотя он и открыл им тайну своей любви, но отнюдь не хотел делать их свидетелями своего успеха. Кроме того, он во время своих странствований привык к независимости и свободе, от которых ему теперь было трудно отказаться. Во всяком случае, ему хотелось теперь сохранить за собой свободу действий.

Граф и виконт были встревожены, зная легкомыслие и непоследовательность принца, постоянно окруженного шпионами, подозреваемого и преследуемого со всех сторон. Благоклонность Фуше казалась им скорее ловушкой, чем защитой. Оставались еще личные агенты императора, сыщики Савари, Демареца, Реаля, сыщики графов Прованского и д'Артуа, еще более заинтересованные преследованием молодого короля без трона, несчастного племянника коварных дядюшек. А ведь в многолюдных улицах Пале-Рояля вполне легко было получить удар кинжала, легко было из-за пустяка попасть в схватку и получить в ней смертельный удар, грозила масса всевозможных, непредвиденных опасностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.